

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТЬ

- 2 стр.** Герои гетто и концлагерей
Давид Блюм

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

- 4 стр.** К читателям журнала
«СУДЬБЫ ХОЛОКОСТА».
Людмила Барановская, автор
проекта «Судьбы Холокоста»

- 6 стр.** От автора проекта
«ЮНЫЕ БОРЦЫ АНТИ-
ГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ».
Макс Привлер, президент Всемирной
Ассоциации юных борцов с нацизмом

СУДЬБЫ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

- 10 стр.** Воин трех армий.
Михаил Ринский
- 15 стр.** Пять поколений.
Людмила Барановская
- 18 стр.** Соломон Юханов – поэт и воин.
Вячеслав Давыдов

ЮНЫЕ БОРЦЫ С НАЦИЗМОМ

- 21 стр.** Жизнь вопреки смерти.
Эдуард Аксельрод
- 26 стр.** Толька. Его войны и его книги.
Белла Кердман
- 31 стр.** Дважды Славен.
Макс Привлер, Анна Кремянская
- 33 стр.** Радист Леонид Викторов.
Макс Привлер, Анна Кремянская
- 39 стр.** Партизан Роман Плакса
Макс Привлер, Анна Кремянская

ПАМЯТЬ

- 40 стр.** Наша семья.
Мария Гуральник

- 45 стр.** С нами навсегда
Ольга Цокота

СВИДЕТЕЛИ

- 47 стр.** Ужасы концлагеря.
Хайм Курицкий
- 51 стр.** Убийцы и спасители.
Гарри Фельдман

ПРИЗНАНИЕ

- 54 стр.** Папке дорогому моему.
Софья Привлер

ПРАВЕДНИКИ МИРА

- 55 стр.** Спасители и спасенные.
Юрий Тейтельбаум

БИБЛИОТЕКА

- 59 стр.** Из племени Маккавеев
Марк Петрушанский

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

- 60 стр.** Переписка с читателями.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

- 64 стр.** Коротко об авторах

НАШИ ПЛАНЫ

- 66 стр.** К 70-й годовщине Победы
над нацизмом

Журнал издается совместно по проектам
«Судьбы Холокоста» - автор Людмила Барановская,
и «Юные борцы Антигитлеровской коалиции» - автор Макс Привлер

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

К ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА «СУДЬБЫ ХОЛОКОСТА»

Зоя Кабекова

Я, незванной и непрошенней,
Открываю двери в прошлое

И пускаюсь в путь неблизкий
До могил и обелисков.

Но хочу воздать я должное
Тем, кто в землю не положены.

Без имен и без фамилий,
Ни крестов, ни звезд над
ними,

Только в сердце бесконечная
Боль да память наша вечная.

Людмила Барановская,
автор проекта «Судьбы Холокоста»

...К сожалению, некоторые и в Украине, и в России до сих пор даже не слышали слова Холокост. Или не хотят слышать – иногда равнодушно отворачиваются, иногда яростно спорят: «Почему мы должны сочувствовать именно евреям? Все погибали на войне!» Действительно, в годы войны погибли более 50 миллионов человек, из них больше 40 миллионов в Европе, из которых 6 миллионов евреев. Но только евреев (в меньшей степени цыган) истребляли не в ходе военных действий, а целенаправленно: истребляли как нацию, как биологический вид, т.е. осуществляли геноцид. Евреи, погибавшие и в Освенциме, и в Бабьем Яру были заведомо ни в чем невиновны, кроме факта своего рождения. В отличие от других народов на оккупированной территории, евреи не имели ни единого шанса остаться в живых. Для них не было правил, которых можно было придерживаться, чтобы выжить.

Д-р Борис Забарко,
бывший узник Шаргородского гетто

Уважаемые читатели!

Редакция журнала «Судьбы Холокоста» сердечно поздравляет вас с праздником - 69-й годовщиной великой Победы над фашизмом!

Ценой невосполнимых потерь, великих страданий, горя, крови, смертей и лишений страны Антигитлеровской коалиции спасли мир от угрозы порабощения, спасли цивилизацию и возможность культурного и духовного развития человечества.

Конечно, всем известно, что основной вклад в победу внесла Красная Армия, наибольшие потери понесли народы Советского Союза, наибольшую жертву гитлеровский Молох собрал с нашего, еврейского народа, потерявшего третью часть своей численности...

Казалось, такой дорогой урок должен научить население Земли ценить международный мир, сотрудничество, радость жизни, семейное счастье, возможность творчества, комфорт и красоту окружающего мира...

Но прошло совсем немного времени после окончания Второй мировой войны, и правители ведущих стран мира затеяли совсем не мирное соперничество, отстаивая цели, очень далекие от провозглашаемых лозунгов о свободе, прогрессе и счастье народов. Стали использовать любые поводы для запугивания населения Земли всеобщим уничтожением, расходя материальные и людские ресурсы для создания все более эффективного оружия массового уничтожения, подстрекая радикальные режимы к межнациональной и межконфессиональной розни, экстремизму, терроризму и вооруженным конфликтам.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

И снова Мир стоит перед угрозой мировой войны... То Карибский кризис, то войны в Корее и Вьетнаме с участием Великих держав, то Афганское вторжение Советского Союза, то Балканы и бомбардировки авиацией США и их союзников, то «арабская весна», войны на Ближнем Востоке и кровопролитное внедрение «американской демократии» в тоталитарные режимы, теперь – кризис в Восточной Европе, и всегда – исламский фундаментализм и всегда еврейский народ и еврейское государство должны доказывать свое право на существование, вопреки претензиям, угрозам нападения армий окружающих врагов, на фоне требований «цивилизованного мира» о бесконечных и бесполезных уступках враждебному окружающему конклаву, который давно потерял способность и потребность к созидающему труду.

Колыбель европейской культуры – Франция, эталон аристократических традиций – Англия, - сегодня возглавляют список стран по уровню антисемитизма...

В этих условиях ещё большую роль в воспитании подрастающего поколения должно сыграть изучение и пропаганда уроков Второй мировой войны, уроков Катастрофы европейского еврейства, день Памяти о которой отмечала наша страна 28 апреля. Пропаганда примеров самопожертвования и патриотизма героев Великой Отечественной войны – солдат и офицеров, подпольщиков и партизан, стойкость тружеников тыла и людей, вынесших ужасы оккупационного режима и невзгоды эвакуации.

Эта высокая задача является целью нашего журнала и еще – стремление сохранить память о жизни и судьбах обычных людей, взрослых и детей, поставленных войной в экстремальные условия, в которых они проявили себя героическими личностями, завоевав для нас мирную жизнь. Немногие из них дожили до Победы, тем более до наших дней, и наш святой долг выразить им нашу благодарность, уважение и почтение.

**Слава вам, дорогие ветераны, и низкий поклон за ваш великий подвиг!
Будьте здоровы и счастливы! Живите долго!**

Дорогие читатели! Начиная с этого номера, наш журнал приобретает международный статус. Его страницы украшают эмблемы проекта Людмилы Зиновьевны Барановской «Судьбы Холокоста» и эмблема Всемирной Ассоциации юных борцов Антигитлеровской коалиции, созданной усилиями её президента Макса Давидовича Привлера.

Наш журнал существует теперь в рамках двух этих программ и уделяет еще больше внимания военной и послевоенной судьбе победителей – ветеранов Великой Отечественной войны и, в особенности, тем из них, кто взял оружие в детские руки, чтобы мстить врагу за поруганное детство, изощренные издевательства и смерть близких, за насилие и попытку разрушить мир, в котором они начинали жить.

Дорогие читатели! Через год мы будем праздновать 70-летие со дня Победы над гитлеровской Германией, один из самых светлых праздников для жителей нашей страны, Российской Федерации, стран Европы. Все меньше среди нас тех, кто воевал на фронтах и в партизанских отрядах, кто, не щадя себя, работал в тылу, кто пережил тяжкое военное время в оккупации, блокаде, эвакуации.

Мы обращаемся ко всем нашим читателям с просьбой присыпать нам материалы, связанные с этим временем. Может быть вы сами пережили его и можете прислать нам свои воспоминания. А может быть, вы родились позже, но хотите рассказать о жизни ваших близких во время войны. Или может быть у вас сохранились мемуары с того времени.

ВСЕМИРНАЯ АССОЦИАЦИЯ
ЮНЫХ БОРЦОВ
АНТИГИТЕЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

Директор проекта
«Судьбы Холокоста»
Людмила Барановская
054-5289092
ludmila_b25@mail.ru

Автор проекта
«Юные борцы
Антигитлеровской коалиции»
Макс Привлер
052-4233613
.....

Главный редактор
Юрий Тейтельбаум
054-9841233
imcs-kuban@yandex.ru
.....

Редактор
Любовь Казазьянц
.....

Координатор
Моше Нульман
.....

Почтовый банк Израиля 09
расчетный счет
23640714
отделение 001

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Боевая юность

Евгений Кавалерчик.

Посвящается Максу Привлеру.

Темень. Тучи над Карпатами.
Страшно даже взрослому идти.
Нету рядом провожатого,
А до тайной встречи полпути.

Ватник на плечах с заплатами.
Узел "Христа ради" на руках.
Наш пацан с губами сжатыми,
Вроде нищий. Не узнать никак.

Хату бы найти желанную,
Да не позабыть бы свой пароль..
Знать, как мать, легенду данную
И стоять, превозмогая боль.

Так твердили на учениях
В школе специальной для ребят
Под Москвой. Война. Лишения.
Есть приказ: к врагу заслать орлят.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Даже дети, оставшиеся сиротами, испытавшие на себе весь ужас нацистского геноцида, тянулись к оружию и мстили фашистам за расстрелянное и замученное детство, за сиротство и гибель своих родных.

Сегодня фашизм снова поднимает голову. В России и Европе экстремистские организации фашистского толка, заражённые вирусом ненависти и антисемитизма, наводят Новый Русский Порядок.

Они выходят на свои демонстрации вместе с ветеранами Великой Отечественной, мечтая их уничтожить. Во многих странах они взрывают синагоги, оскверняют еврейские святыни, памятники павшим на полях сражений с фашистской нечистью, вынашивают планы повторения геноцида еврейского народа. Преступления фашистствующих молодчиков, как правило, остаются безнаказанными. Всё чаще в мире раздаются голоса о том, что еврейской Катастрофы не было вообще. Поэтому сегодня наши современники должны узнать всю правду о Холокосте - трагедии еврейского народа и его сопротивлении.

Я прошёл через ад еврейской Катастрофы в возрасте 11 лет, остался круглым сиротой, чудом уцелел, партизанил, стал юным разведчиком Красной армии. Прошёл трудными дорогами войны от Курской дуги до Златой Праги.

1 мая 1945 года по просьбе маршала Гречко и командующего чехословацкой армией Людвига Свободы состоялось моё первое публичное выступление на митинге, посвящённом памяти погибших воинов и партизан - освободителей Чехословакии. Митинг проходил в городе Радовицы в Моравской Остраве. Меня, 14-летнего солдата, слушали матери, потерявшие на войне дорогих детей, люди разных возрастов. Я вкратце рассказал им о своей трагедии и закончил выступление призывом сделать всё для того, чтобы не повторились никогда войны, слёзы вдов и матерей, трагедии сиротства. День Победы я встретил в Праге, в госпитале, ослепшим, оглохшим, в бессознательном состоянии. Остался инвалидом войны.

Вернувшись на Родину и очутившись в детском доме для слепых, начал борьбу за жизнь, здоровье, овладение русским языком, за приобретение знаний по специальности. Стал специалистом - энергетиком. В послевоенные годы испытал на себе бытовой и государственный антисемитизм и начал открытую борьбу за право на свободную и достойную жизнь. По мере возможностей рассказывал людям о трагедии моего народа, о судьбах еврейских детей, ставших юными мстителями.

Я выступал в местах массового уничтожения советских граждан, значительную часть которых составляли евреи. Будучи членом Комитета юных участников Второй мировой войны и членом Совета Всесоюзного музея «Юный защитник Родины», часто выступал перед детьми, студентами, военнослужащими, ветеранами войны. Стал героем кинофильма «Сыны и пасынки». Все послевоенные годы вынашивал идею увековечить память о еврейских детях, мстивших фашистам за страдания, сиротство, за потерю дорогих и близких людей.

Репатриировавшись в Израиль в 1990 году, я поставил перед собой

Пичкали спецы бывалые,
Финкою владеть, в упор стрелять.
Знали "добре" хлопцы малые
Шифры, видеть всё, запоминать.

Был отбор сирот невиданным:
Лишь один из тысяч мог пройти.
Он идёт с сумою приданной:
Надо связника в тылу найти.

Но, коль к немцам...
Дело срочное:
"Зуб" свой надкуси,
и в тот же миг
Стает донесенье срочное.
Не умрешь, и нет уже улик.

Фильтры были, как арийские:
Голого глядели, ого-го!
Есть в теле что... еврейское?
Ладно. Обойдётся. Ничего.

Говор сельский, интонация.
И лицо, и волосы, и стать.
Ну, хохол!
Такая нация. Хлопец нашенский
- ни дать, ни взять!

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Ненависть к врагам, как зарево.
За расстрел родителей и свой.
И, как чудо, память - марево.
Только ранен. Не добит. Живой.

Яму не забыть открытую,
Прищур пьяных "в стельку"
палацей,
И щеку отца небритую,
И себя под ним, среди камней.

Голос Б-га иудейского выползти
помог из мёртвых тел
Мальчику в кудрях еврейскому
И затем всегда беречь умел.

Много троп военных пройдено.
Сколько раз висел на волоске.
Скупо награждала родина,
Помнила о пятой о граве.

эту высокую цель и приступил к её осуществлению. На базе организации ветеранов Второй мировой войны г.Бат-Яма создал Президентский благотворительный Совет, который поддержали Президенты Израиля Хаим Герцог и Эзер Вайцман,, министры: Хаммер, Кейсар, а также Ицхак Рабин, Натан Щаранский и другие руководители государства. На его базе было создано творческое объединение «Мазаль».

На одной из встреч с ветеранами войны Ицхак Рабин узнал о моей неординарной судьбе и посоветовал написать автобиографическую книгу. Он горячо поддержан идею проекта увековечения памяти о еврейских детях, боровшихся с нацистами во время Второй мировой войны.

Однако семейная трагедия (тяжёлая болезнь и смерть дочери, болезнь жены) на несколько лет отодвинула осуществление задуманного. Трагическая гибель Ицхака Рабина всколыхнула у меня желание идти к намеченной цели.

Я часто вспоминал напутственные слова известного еврейского писателя Хaima Melamuda. Он написал обо мне документальную повесть «Гуцульская быль», из которой половину вычеркнула цензура. На презентации её Хaim Melamud сказал мне: «Макс, я надеюсь, что наступит время и Вы напишете всю правду о пережитом».

Наконец, это время пришло. Я внимательно просмотрел привезенный богатый архив: документы, наброски, фотографии, книги, печатные материалы. Изучил ситуацию в Израиле, побывал в музеях, ознакомился с прессой. В результате долгих раздумий и работы по оформлению замысла появился на свет долгожданный проект «Еврейские дети в борьбе с нацизмом». В это время судьба свела меня с семьёй погибшего на войне Рувима Барковского - его дочерью Анной Кремянской и внуком Павлом Кремянским. Они вошли в состав творческой группы «Мазаль», ознакомились с моим проектом и согласились принять участие в его реализации.

Результатом нашей совместной работы стала моя автобиографическая трилогия «Расстрелянный трижды», вышедшая на русском языке в октябре 1998 года. Анна Кремянская выполнила литературную обработку и корректуру книги, Павел - компьютерный набор. Элла Каган перевела книгу на английский язык. Я глубоко благодарен коллегам за проделанную большую работу.

Следующим этапом в рамках проекта стала трёхлетняя кропотливая работа творческой группы «Мазаль» над всемирным документальным сборником «Еврейские дети в борьбе с нацизмом». Мы искали детей войны в разных странах и городах, разными путями, нашедшими отражение в книге. В мае 2001 года осуществилась мечта всей моей сознательной жизни - увидело свет первое издание этого уникального сборника. Он вызвал широкий резонанс, высокие оценки и настойчивые пожелания продолжать работу. Нашим девизом стали следующие слова: «Мир без войн. Матери без слёз. Дети без оружия. Нет беспамятству».

В процессе претворения проекта в жизнь я часто думал о том, какие же неблаговидные способы использовал тоталитарный советский режим, чтобы принизить роль воинов-евреев в борьбе с фашизмом. И тем

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

более - еврейских детей. Считанные единицы их случайно появлялись на страницах книг, публикаций в прессе, на выставочных стенах. Горько и больно вспоминать об этом. И всё же некоторые еврейские дети были зачислены в Символические подразделения России, Украины, Белоруссии. Собрав в сборнике более ста героев, я предложил создать Израильский Символический батальон юных борцов с нацизмом, а затем Всемирный Символический Еврейский Полк юных борцов антигитлеровской коалиции и Всемирную Символическую Бригаду. Это предложение обсуждалось на Первом Слёте детей войны при участии замминистра Обороны Израиля Эфраима Снэ в январе 2001 года. Слёт постановил создать Символический батальон Израиля имени Ицхака Рабина и подготовить книгу с одноимённым названием.

Сегодня я бесконечно счастлив, что и эта моя мечта воплощается в жизнь. Я счастлив также, что проект «Юные борцы антигитлеровской коалиции» получил признание за рубежом: в России, Украине, Соединённых Штатах Америки. Он лёг в основу деятельности Международного Движения Толерантности, созданного в США по инициативе Симона Визенталя.

В декабре 2003 года мы создали Американскую Ассоциацию юных борцов с нацизмом под руководством Иосифа Фридмана.

Состоявшийся в феврале 2004 года 3-й Слёт юных борцов с нацизмом государства Израиль принял ряд важных решений. Мы возглавили Всемирную еврейскую Ассоциацию юных борцов с нацизмом и Всемирный Символический еврейский Полк юных борцов, зачислены во Всемирную антифашистскую Ассоциацию. Утвердили редакционную коллегию по подготовке всемирного документального альманаха «Символическая Бригада юных борцов антигитлеровской коалиции».

Работа над Проектом продолжается. Опубликована книга «Израильский Символический батальон юных борцов с нацизмом им. Ицхака Рабина», создан в Иерусалиме музей Юных борцов с нацизмом «Гиват Ат Мошет», передвижная выставка «Еврейские дети в борьбе с нацизмом» демонстрировалась в Украине, Польше, 11 штатах США, был организован телемост «Нью-Йорк – С.Петербург», на котором Нью-Йорк демонстрировал нашу программу и выставку, а С.Петербург – коллекцию мотоциклов 2-й мировой войны.

Уходит последнее поколение участников и свидетелей еврейской Катастрофы. Наши живые свидетельства, личные истории и судьбы, документы и архивные материалы представляют огромную ценность, служат неопровергнутым доказательством произошедшего. Всё это мы должны сохранить и передать последующим поколениям. Это нужно во имя мира и благополучия всех народов планеты Земля. Это нужно сегодня всем нам и завтра - нашим потомкам. Мы обязаны передавать эстафету Памяти из поколения в поколение, потому что Память сильнее времени.

Никто не должен быть забыт!

Годы шли. В Москве затеяли
Встречу ветеранов всех фронтов.
Как знамёна, гордо реяли: блеск
медалей, знаков, орденов.

Наш герой в ряду украинском.
Скромен, на груди "иконостас".
Вдруг в докладе маршал сталин-
ский
Вспомнил имя храбреца не раз!

Капнула слеза невольная,
Оттенив лишь мужество лица.
Вспомнила первопрестольная
Наконец-то, своего юнца.

Слали будни испытания,
Пробуя на мужество юнца.
И тогда, как из предания,
Видел... Слушал своего отца.

г.Бат-Ям, 1997

Воин трёх армий

(Из книги «Генерал – воин трех армий»)

Михаил Ринский

Генерал Роман Ягель - солдат трёх армий

« Тяжело быть евреем, но интересно!»

Роман Ягель.

СТОЙКИЕ ЛЮДИ ПОКОЛЕНИЯ ВОЙНЫ

Дед Романа был раввином в местечковом городке Бирче в Галиции. Через полвека именно в этих краях Бандера вознамерится создать «самостийную Украину», а в конце 19-го века Галиция была ещё на стыке России и Австро-Венгрии. Один из сыновей раввина Риттера Давид станет старшим сержантом, командиром взвода армии Австро-Венгрии, но не патриотом этой империи.

После смерти первой жены, оставившей Давиду троих детей, он вторично женился на Дороте Насен из местечка Ягелло, которая прибавила ещё дюжину общих детишек. Роман Риттер родился 1 мая 1922 года, и именно в память о родине он примет в Израиле фамилию Ягель.

В период становления независимой Польши Давид ёщё служил в Польской армии, затем уволился, и в 1928 года Дорота с детьми приехала к мужу в Бирчу, где у него уже было хозяйство. Дом в Бирче небольшой, детей много, и всё прибавлялись.

Соседи обращали внимание на опрятность детей Дороты.

В 1935 году, окончив 7 классов, 13-летний Роман пошёл пешком в Krakow, нашёл там кузена Менделя Риттера, двоюродного брата по отцу, служившего в банке. Тот его устроил в обучение к скорняку, у которого Роман жил, работал и учился в вечерней гимназии. К этому времени в Krakow уже жила и работала медсестрой Сара, сводная сестра Романа.

В сентябре 1939 года Германия «блицкригом» оккупировала Польшу. Роман, в числе многих других, оказался в гетто местечка Ланцут, всего километрах в 30-ти от Бирчи, по восточную сторону реки Сан. 30 евреев, в том числе Романа, немцы отобрали для обслуживания конюшен их воинской части. Когда Красная армия вступила в Западную Украину и река Сан стала пограничной, Роман Риттер с другом Ициком Бренером решают бежать из плена. В той обстановке такой побег был настоящим подвигом, первым в жизни Романа, но далеко не последним. Юноши переправились через реку Сан и пришли в Бирчу.

В новых условиях советской власти Роман окончил курсы заготовителей и работал заведующим приёмным пунктом сельхозпродуктов в Бирче. Со стороны советских властей были и преследования, и аресты, но семьи Риттеров они не коснулись.

В мае 1940 года Роман стал красноармейцем. Его направили в

СУДЬБЫ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

сержантскую школу в Перемышле, а по окончании – на пограничный пункт в Ольшанах, где Роман одновременно был и переводчиком.

В ночь на 22 июня 1941 года на погранпункте в Ольшанах команди-ру доложили, что немцы спускаются и садятся в лодки для переправы через реку. Но был приказ свыше – не поддаваться на провокации, не стрелять. Гитлеровцы уже бомбили города Украины и Белоруссии, но на заставе об этом ещё не знали. Командир решил по своей инициа-тиве дать отпор – и тут же был арестован особистами. Продержались до десяти часов утра, но силы были неравные, отступили к Перемыш-лю. Здесь в уличном рукопашном бою Роман был легко ранен в ногу, но немца убил. Остался в строю.

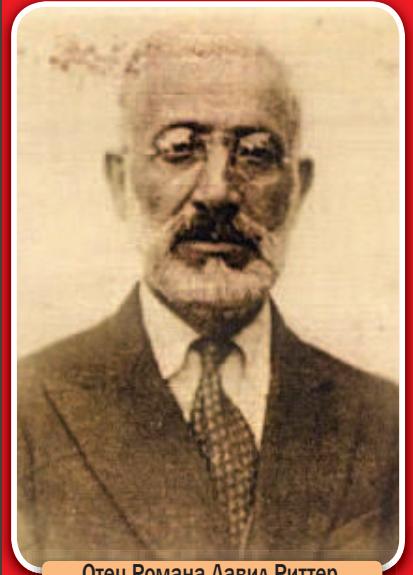
При отступлении в сторону Львова погранотряду то и дело приходи-лось принимать бой то с догнавшими подразделениями противника, то с десантниками. И снова в рукопашной схватке Роман был ранен в голову. Вынужден был отстать, а потом, придя в себя, лесом дошёл до Бережан, там нашёл свой отряд. По счастью, на станции оказал-ся бронепоезд. На нём удалось прорваться из окружения. Сопротив-ление Красной армии становилось всё организованнее, но отступле-ние продолжалось.

В Житомире отряд, по приказу сверху, взорвал сахарный и коже-венный заводы, чтобы не оставлять врагу. Но и тут немцы уже были в тылу, и командир приказал, рассредоточившись на группы, уходить в сторону Киева. Группа Романа, благодаря его находчивости, доехала до Киева на попутном грузовике. На сборном пункте получили но-вое обмундирование.

Вновь сформированной части Роман Риттер воевал под Белой Церковью, затем их перебросили в леса под городом Бровары, вос-точнее Киева.

В один из дней прибыл сам маршал С. М. Будённый, командовав-ший Юго-западным фронтом. Формировался отряд для действий в тылу противника.

Добровольцам предложили поднять руки. Маршал лично обошёл строй добровольцев, каждому жал руку и задавал вопросы. У Романа спросил, кто он по национальности – надо же, «вычислил». Еврея Рит-тера Будённый в отряд не включил: слишком ужасная смерть его жда-ла, попади он в руки врага. Зато в отряд охраны штаба фронта Рома-на зачислили, но вскоре опять отправили на передовую. И вновь его часть была окружена и разбита. Так Роман попал в плен. Гнали плен-ных по 40 минут, затем перерыв на 20 минут. Как скот, загоняли в ог-раждённые пустыри на лугах. Когда привозили хлеб, его кидали с ма-шины. Роман был ослаблен из-за голода и болезней. Питался плохо только подобранными по дороге остатками собранной на огородах ка-пусты, картошки, травами. Нацисты издевались над пленными, изощ-рённо придумывали себе развлечения. Колонну гнали к станции, где производился отбор. Пленных посильней отправляли на заводы Гер-мании, а коммунистов, евреев и списанных по здоровью уничтожали. Роману с товарищем-лётчиком удалось по пути спрятаться в огороде

Отец Романа Давид Риттер

Роман Ягель 1945 г

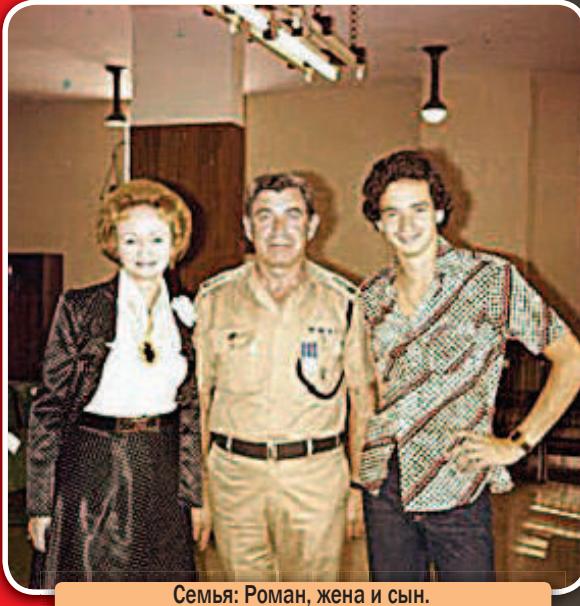

СУДЬБЫ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Роман Ягель (справа) с друзьями

Семья: Роман, жена и сын.

и затем с помощью местных жителей лесами выйти к речке Сулле и, переправившись, оказаться у своих. Направили на проповедку в Харьков, оттуда – в Белгород, где формировался 92-й отдельный пограничный полк. Роман участвовал в операциях в тылу врага против штабов и техники. Приходилось ходить в разведку и брать «языков».

Фронт был под Воронежем, а штаб полка – в городе, когда Роману Риттеру, как бывшему гражданину Польши, предложили отправить его в представительство штаба Польской армии генерала Андерса, подчинявшийся правительству Польши во главе с Сикорским в Лондоне, а когда отказался, откомандировали в порядке приказа. После долгих переездов через Новосибирск под Ташкент, где их так и не приняли, группу направили в 1-ю Польскую дивизию имени Тадеуша Костюшко, формировавшуюся под Рязанью. В июле 1943 года после окончания учёбы в Рязанском училище молодой младший лейтенант был назначен командиром взвода. В октябре 1943 года под Смоленском взвод получил боевое крещение, и в первых же боях Роман Риттер был ранен в шею, при этом у него была парализована рука.

Длительное лечение вернуло руке подвижность, и в марте 1944 года Роман Риттер, вернулся в строй, и был назначен командиром роты. Тогда же дивизию перебросили под Киев, откуда она прошла боевой путь через Украину, Польшу, Германию до Берлина. Много раз сталкивался Роман со свидетельствами зверств нацистов и их украинских, польских, литовских приспешников по отношению к евреям. Да и в действиях советского командования не всё было ясно: когда рота Риттера была уже в варшавском районе Прага, польским войскам не разрешили прийти на помощь восставшему Варшавскому гетто.

В Праге Роман был снова ранен, но от госпиталя отказался. Ему дали возможность съездить в свой родной городок Бирчу. Здесь он с горечью получил подтверждение трагической гибели буквально всей своей семьи. Его сестра Рахель, жена одного из руководителей города, была убита в подвалах гестапо, а муж её повесился в тюрьме, не выдержав зверских истязаний. Брат Ехиель бежал из гетто с подругой и ребёнком, но их выдали и расстреляли. Брат Шимон погиб в еврейском партизанском отряде, который был уничтожен польскими приспешниками оккупантов. Родители Романа и все остальные члены семьи из гетто были отправлены в концлагерь и погибли в газовых камерах. Нацисты уничтожили

14 его самых близких: отца, мать, всех братьев и сестёр. Только по обнаруженным документам и опубликованным спискам были уничтожены около 850 родственников отца и матери.

Армия оставалась единственным родным домом Романа, и своим долгом перед уничтоженной семьёй он считал – довести до конца уничтожение гитлеризма. Его рота участвовала в штурме Берлина. После Победы капитан Риттер был назначен начальником школы офицерского состава в Кракове. В этот период он свои воинские обязанности совмещал с помощью еврейским деятелям искусства, в том числе в репатриации, сам участвовал в сионистском кружке по изучению иврита. В 1946 году Роман был арестован по подозрению в помощи сионистам. Через девять месяцев его выпустили без суда и следствия и направили руководить одним из двух портов Щецина в устье Одера. Там Роман сумел нелегально выпустить из порта три корабля с евреями в молодое государство Израиль.

В 1951 году капитан запаса Риттер прошёл курсы командиров батальона, был возвращён в армию и назначен комбатом родной 1-й дивизии имени Костюшко. Ещё через два года он уже был командиром полка. Но у Романа не сложились отношения с командиром дивизии, почти откровенным антисемитом. И когда тот позволил себе назвать Риттера «грязным евреем», Роман выхватил пистолет. Комдив бросился к открытому окну и выпрыгнул из него, но выстрелы прогремели раньше, и он был ранен. Думая, что убил командира, Роман выстрелил в себя. Рана оказалась не смертельной, но Роман 8 месяцев пролежал в госпитале. Дело «замяли»: никому не хотелось предавать огласке антисемитизм в высших кругах польской армии.

После возвращения в строй Риттера назначили старшим инспектором морского флота Польши, но у него уже созрело твёрдое решение о репатриации, и в 1957 году бывший полковник Польской армии Роман Риттер – в Израиле. Начинает новую жизнь под новой фамилией Ягель с младших офицерских должностей. До него мало кто из репатриантов служил в погранвойсках. С первых же ответственных заданий Роман обращает на себя внимание командования. Окончив курсы командиров рот и курсы штабных офицеров полиции и проявив себя в особо важных ситу-

Роман Ягель с Авраамом Коэном и Эфраимом Снэ

Роман Ягель с Шимоном Пересом

ациях, Роман в короткий срок выдвигается на командные должности в погранвойсках. Воинский талант Р. Ягеля особо раскрывается во время Шестидневной войны, при захвате Туль-Карема и Калькирии. После освобождения Иерусалима Роман был назначен губернатором Старого города. Он и после Шестидневной – в самых горячих точках от Рамаллы до Газы. Его назначают заместителем командира полка, присваивают звание полковника.

С 1971 года в течение полутора десятков лет полковник Ягель – в системе Министерства безопасности. Он возглавляет службы безопасности компаний Эль-Аль в ряде европейских стран и в Центральном аэропорту Израиля, одновременно занимаясь и проблемами репатриации в нашу страну. В 1985 году, уже после оформления пенсии, Ягеля направляют представителем израильской полиции в европейском Интерполе, и работает в Германском городе Бонне до 1989 года. За это время вместе с европейскими коллегами раскрывает целый ряд преступлений. В 1986 году Р. Ягелю присвоено звание бригадного генерала.

На груди легендарного генерала – солдата армий трёх стран боевые награды правительств СССР, Российской Федерации, Польши, Украины, Израиля. Он отмечен наградами зарубежных ветеранских организаций. И трудно переоценить вклад Романа Ягеля в укрепление связей Израиля со многими европейскими странами, в том числе: по линии Союзов ветеранов войны с нацизмом. Он – организатор и участник десятков встреч и переговоров на самом высоком уровне. После кончины в 2007 году Авраама Коэна Роман Ягель продолжил дело своего друга и сподвижника, возглавив Союз воинов и партизан – инвалидов войны с нацистами, в котором он состоит много лет.

1 мая генералу Роману Ягелю исполняется 86 лет*. Его работоспособность удивительна, как и его жизненный оптимизм. У него – отличная семья: жена Вила; сын Давид, возглавляющий компьютерную фирму, замечательные внуки.

Во время нашей беседы меня не покидала мысль о том, что, в отличие от многих очень уважаемых людей, в своё время совершивших подвиги и живущих воспоминаниями о них, вся жизнь Романа Ягеля – подвиг. Даже и то, как он сейчас активно борется за права инвалидов войны, что совсем нелегко. Весь его жизненный путь трудно охарактеризовать лучше, чем словами Евгения Евтушенко: «Вся жизнь моя пусть будет подвигом, рассредоточенным во времени.»

* Примечание: Цитируемая книга написана в 2008 г.

Роман Ягель с Ихудом Бараком

ПЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ

Людмила Барановская

по материалам статьи «Без права на ошибку» в газете «ВРЕМЯ ЕВРЕЕВ»

Ерихим и Сура жили в российской глубинке в Николаевской губернии. В их просторном доме было выделено место молодым, сыну Рахмилу и невестке Фриде. В те послереволюционные годы многие молодые евреи уезжали в города. Сын Рахмил, хотел, было, тоже после Первой мировой войны, в которой он успел поучаствовать еще до женитьбы, уехать с молодой женой из родного дома куда-нибудь поближе к центру, в Одессу, к примеру. Но это было не в еврейских традициях. Властью отца оставлен был Рахмил в доме отца и матери. Мирная профессия сына - шапочник - вполне обеспечивала безбедную жизнь семьи. Вскоре в 1921 году молодая пара Клейнеров порадовала Ерихима и Суру. Родился внук.

Мальчика назвали Завелием. Пришло время - ребенок пошел в хедер, потом начал учебу в школе. В доме деда, хотя и не глубоко ортодоксальном, все-таки твердо соблюдались традиции, субботние и праздничные ритуалы, а также кашрут, и Завелий хорошо усвоил все еврейские обычаи, говорил и писал на идиш. В 1930 году один за другим ушли из жизни Ерихим и Сура. Но жизнь на том и держится, что трагедии перемежает с радостными событиями. Через год Фрида родила второго сына - Гришу. Сыновья росли на радость родителям. Старший - Завелий, отлично окончил школу, поступил в одесский университет, одолев вступительные экзамены, несмотря на большой конкурс абитуриентов. Однако закончить исторический факультет ему не дали. Завелий Клейнер был призван в Армию в 1939 году. 30 ноября новобранец, наученный ходить на лыжах, был брошен Родиной в кровопролитную, тяжелую советско-финскую войну. Затем красноармеец З. Клейнер был направлен в Ленинградское военно-инженерное училище им. Жданова. 22 июня 1941 года вместо летних сборов под Ленинградом все училище перевели под Кострому. В том же году курсантам присвоили звание лейтенантов и отправили на фронт. В 20 лет Завелий Клейнер командовал ротой, исполнял обязанности командира батальона и начальника гарнизона, строил оборонительные рубежи по линии Ворошиловград - Воронеж. Саперные подразделения минировали и взрывали различные объекты, при отступлении, а наступая, - разминировали и наводили переправы. Часто приходилось инженерным войскам совершать эту работу под натиском и обстрелом

Завелий Клейнер

СУДЬБЫ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

авиации и танков противника. Теряя в боях красноармейцев, Клейнер и сам не избежал ранений. Правая рука, затем - левая, обе ноги. И тяжелая контузия. Всякий раз, оправившись от ран, он возвращался в строй. Однако в 1943 году ему все-таки пришлось смириться с приговором врачей. Демобилизованный в 22 года, искалеченный войнами, неопытный и не готовый к невоенной жизни, он не умел и не знал ничего, кроме военного строительства и тяжело переживал крушение своей юношеской мечты о военной карьере. Его спасением стала Дина, первая любовь еще с мирных школьных лет, подруга по пионерскому лагерю. В 1947 году она приехала к нему, и больше они не расставались. Через пять лет молодые перебрались с Урала в Одессу. Туда же после эвакуации вернулись Рахмил с Фридой и младший их сын Гриша. Родители Дины тоже уже жили в Одессе в тесной единственной коммунальной комнатке. Только теперь

Соломон Юханов

Как нам ни приходилось тудо
Тогда под гибельным огнем
Мы свято верили друг в друга
и твердо знали, что пройдем.

Пройдем сквозь грозные сраженья,
Огонь и минные поля
И принесем освобожденье
Тебе, Родимая Земля.

Завелий и Дина узнали горькие подробности о зверствах нацистов. О гибели многих своих родственников и жителей родного местечка.

У Завелия и Дины в 1954 году родился сын Иосиф. Жить было негде, и семья переехала в Кировоград. Завелий стал прорабом, потом старшим прорабом. Работал и заочно учился в Московском инженерно-строительном институте, а когда закончил его в 1959 году, стал заместителем главного архитектора г. Кировограда. Чуть позже Клейнер был назначен на очень ответственный и нелегкий пост начальника строительного управления при Облпотребсоюзе. Так и проработал он на этом беспокойном месте 20 лет. Когда Иосифу исполнилось 10 лет, в семье случилось несчастье умерла жена.

Завелию пришлось одному воспитывать сына. Только через два года в дом вошла другая женщина - Берта из Тирасполя. Она стала второй матерью Иосифу, настоящим другом и прекрасной женой Завелию. С тех пор уже полвека Берта и Завелий неразлучны.

Иосиф рос способным мальчиком, старательным и любознательным. Окончив школу, стал студентом Физико-математического института в Кировограде, а затем - отличным программистом. Жизнь шла своим чередом. Иосиф познакомился с девушкой из Калининграда, уехал жить в Прибалтику. В 1990 году Иосиф Клейнер со своей семьей репатриируется в Израиль. Его навыки и опыт компьютер-

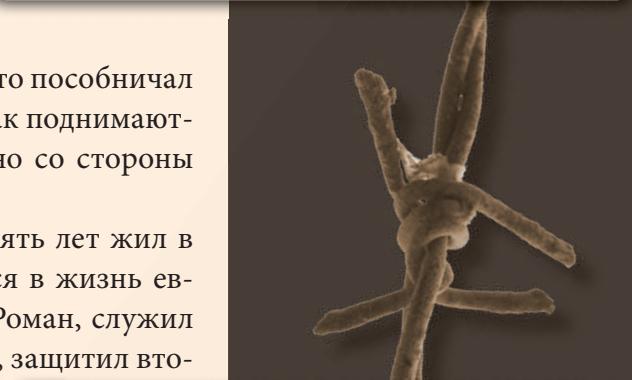

щика, знание нескольких иностранных языков, в том числе и иврита, помогли быстро освоиться в Стране.

Но вернемся к его отцу - Завелию Клейнеру. Он недаром был примером с гордостью для сына, не зря пользовался уважением всех, кто работал с ним. Клейнер ценил в людях образованность, профессионализм, правдивость, принципиальность, настойчивость и обязательность. Его избирали депутатом горсовета в течение двадцати лет. Он председательствовал в комиссии по строительству. В 60 лет стал персональным пенсионером, но отдохнуть ему не дали, тут же предложили должность первого заместителя одной из крупнейших в области строительных организаций. Через 14 лет, 28 декабря 1995 года Клейнеры репатриировался в Израиль. У Завелия не было сомнений в правильности их с Бертой решения. Он хорошо помнил все, что узнал, вернувшись с войны, о тех, кто пособничал фашистам во время немецкой оккупации, наблюдал, как поднимаются голоса временно притихших антисемитов, особенно со стороны Западной Украины.

Кроме того, его сын Иосиф со своей семьей уже пять лет живет в Израиле, работал по специальности, отлично вписался в жизнь еврейского государства. У Иосифа два сына. Старший, Роман, служил в ЦААЛе, потом закончил Тель-Авивский университет, защитил вторую степень на английском языке в Гётеборге. Женат. Так что Завелий и Берта готовятся стать прадедушкой и прабабушкой. Младший сын Иосифа, Денис, окончил гимназию, служил в военно-воздушных силах Израиля специалистом электронного оборудования. За отличие во время Второй Ливанской войны награжден медалью. Теперь Денис намерен совершенствоваться в области электроники.

А Завелий, приехав в Израиль, вскоре стал членом Союза воинов и партизан - инвалидов Второй мировой войны. Он включился в его работу и вошел в руководство Окружного комитета Гуш-Дана. А затем был избран председателем этого комитета. Одновременно он помощник по организационным вопросам генерала Романа Ягеля - президента Союза. В эти годы к высоким наградам Клейнера, полученным во время Второй мировой войны, прибавились Израильские знаки отличия, а также России, Польши и других стран. Завелий Клейнер не позволяет себе расслабиться. Вся его жизнь - это служение людям. И, похоже, - это семейная традиция всех поколений Клейнеров.

С. Н. Юханов – поэт и воин

Вячеслав Давыдов

(Из книги С.Н.Юханов – воин, общественник, поэт»)

У знамени своего полка. Иерусалим, Русский культурный центр, май 2013 года

Соломон Нисонович Юханов родился 1 января 1925 г. в г. Дербенте в горской еврейской семье с четырьмя детьми: двумя девочками и двумя мальчиками. Он был третьим ребёнком. Отец его – Нисон Мардаевич был великолепным сапожником. Мать – неграмотная домохозяйка.

Соломон рос весёлым любознательным мальчиком, охотно учился, писал стихи, занимался в фото- и литературном кружках.

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. Отныне страна живёт под девизом «Всё для фронта, всё для победы!» По радио сообщают тревожные вести: захвачены Белоруссия, Молдавия, Прибалтика, Украина, западные районы России, разгорается великая битва за Москву.

В декабре 1941 г. семью Юхановых постигает большое горе, от туберкулёза умирает их отец. Они лишаются главного кормильца, испытывают ужасную нужду. Дочери уже замужем, а мальчиков ещё надо поднимать. После окончания школы Соломон приступает к учёбе во 2-м Дагестанском пединчилище, но учится всего до 2-го курса. В январе 1942 г. его мать умирает от истощения. Семнадцатилетний Соломон идёт добровольцем в армию и получает направление в Кировабадское кавалерийское училище, где в составе 59-й кавалерийской бригады постигает азы военной службы. После полугодовой учёбы мечта Соломона сбывается: его отправляют на фронт.

Дорогами войны

Летом 1942 г. Соломон Юханов попадает на Сталинградский фронт. Боевое крещение он получает в бою за село Червлёное Светлоярского района в составе 4-го гвардейского Кубанского Казачьего корпуса, где служит наво дчиком пулемётного расчёта на тачанке. Соломон вспоминает: «...Летом 1942 г. наш Казачий корпус стоял на дальних подступах к Сталинграду. Перевес в боевой мощи на стороне противника. Отходили к Сталинграду. Затем по приказу: «Ни шагу назад!» мы перешли в глухую оборону». За эти бои безусый солдат Соломон Юханов был награждён медалью «За отвагу».

На берегу Волги развернулось сражение, не имевшее аналогов в истории.

В эти тяжелые дни юный воин поклялся на всю жизнь помнить имена тех, с кем навсегда породнило его боевое братство.

Осенью 1942 г. обстановка на Сталинградском фронте значительно ухудшилась. За это время Соломон дважды был ранен. Он вспоминает: «Перелом в войне наступил в ноябре 1942 г. В ожесточённых уличных боях огнём и в рукопашную мы выбивали фашистов из

подвалов и домов до тех пор, пока их фельдмаршал Паулюс не вышел из подвала городского универмага и не подписал акт о капитуляции.»

В результате успешного контрнаступления Красной армии в январе-феврале 1943 г. немецкие войска оказались в Сталинградском «котле». В плен было взято свыше 300 тыс. немецких солдат и офицеров. После Сталинградской битвы 138-й кавалерийский полк, на время включают в 3-ю гвардейскую танковую армию под командованием генерала Рыбалко.

После кровопролитных боёв за г. Джанкой рядовой С. Юханов награждён медалью «За взятие Джанкоя». Затем он участвует в освобождении украинских городов Донецка, Запорожья, Мелитополя, Николаева, Одессы.

10 апреля 1944 г. стал днём освобождения Одессы. Соломон пишет, что ему «запомнились бои за Одессу. 12 апреля 1944 г. я был тяжело ранен в левую руку. Очнулся в госпитале в освобождённой Одессе и я заявил врачам, отключаясь: «Если вы мне руку отрежете, я вас всех перестреляю!» Но когда очнулся, увидел, что перевязанная рука лежит поверх одеяла на подушке. 2 месяца пришлось пролежать в палате для «тяжёлых»,

а еще через два месяца конце июля 1944 г. Соломона Юханова, инвалида второй группы выписывают из госпиталя, и он возвращается домой в родной г. Дербент. Война для него закончилась.

На трудовом фронте

В Дербенте ветеран и инвалид войны Соломон Нисанович Юханов возвращается к мирной жизни. Его посылают учиться в Ставропольское училище народного хозяйства, по окончании которого он начинает работать в г. Дербенте контролёром в системе «Дагзаготзерно».

С 1948 г. Соломон Нисанович успешно трудится в газовом хозяйстве бухгалтером-ревизором, на фабрике «Дагюон» заведующим материальным складом, в Дербентском пассажирском авто-предприятии.

Важное событие в жизни Юханова происходит в 1951 г. - Соломон женится на Софье Даниловне – лаборантке санбаклаборатории. Их брак оказывается счастливым. У четы Юхановых рождается две дочери и два сына, любовь к которым наполняет их жизнь. Важное место в жизни Соломона Нисановича занимает общественная работа: он - член партбюро, председатель группы народного контроля, председатель товарищеского суда, народный заседатель, редактор сатирического журнала «Крокодил идёт по городу», пишет стихи.

После 25-и лет работы в Дербентском авто-предприятии, в 1979 г. герой нашего очерка ушёл на заслуженный отдых.

8 мая 1992 г. накануне Дня Победы в Зале боевой славы г. Дербента, спустя 47 лет после войны Соломону Нисановичу

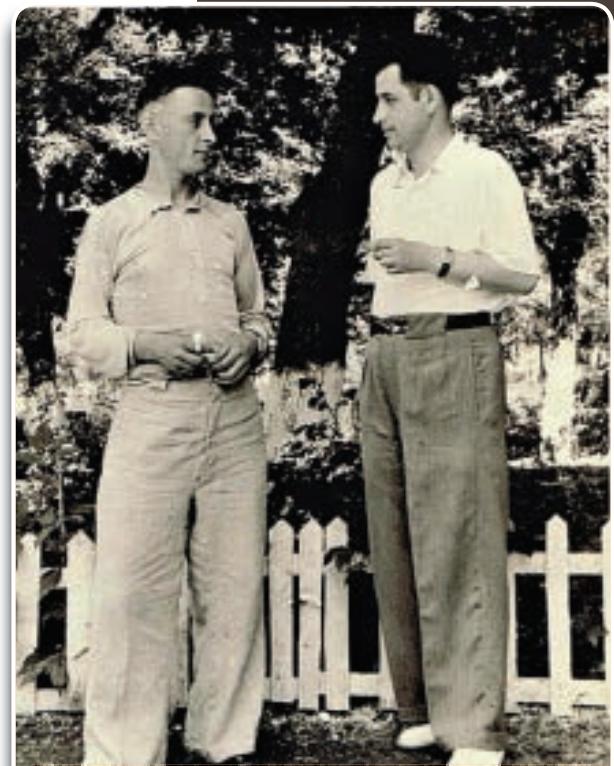
Соломон Юханов

Пусть дни войны тянулись очень
долго,
Пусть быстро мчались мирные годы,
Победы под Москвой, под Курском
и на Волге
История запомнит навсегда.

Пусть вы сейчас отцы и деды,
Виски посеребрила седина,
Вовек вам не забыть весну Победы,
Тот день, когда закончилась война.

Пусть многие сегодня не в строю,
Мы помним всё, что делалось тогда,
И обещаем Родину свою
Сберечь для дела, мира и труда!

26 мая 2009 г.

День Победы 1952 года Соломон (слева) с земляком и другом Бинисиром Ханукаевым. Дербент.

СУДЬБЫ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Большая семья вместе это – праздник.

Как трусы на фургоне...

Семья не расстается с армией – внуку присвоено звание майора ЦАХАЛ. 24.04.2014 года

Горский еврей остается горцем даже в Израиле.

Юханову была вручена вторая медаль «За отвагу», которой он был удостоен за освобождение г. Одессы.

На Земле Обетованной

С прибытием в Израиль для семьи Юхановых началась новая жизнь. Соломон словно рождается заново. Очень большой род Юхановых пустил корни на Земле Обетованной давно. Старший брат отца Соломона приехал в Палестину ещё в 1925 г. В Израиль он добирался ровно год, и на корабле в Турции по пути в Израиль родился его одиннадцатый ребёнок - Мордехай. Сейчас их наследники живут в

Тель-Авиве. Они с любовью сохраняют родной русский язык.

В Израиле Соломон с семьёй поселился недалеко от Хадеры, в городке Ор-Акива. Они воспитали своих четырех детей, те, в свою очередь, подарили родителям 17 внуков и правнуков.

Соломон сохранил в себе трудолюбие, искренность в отношениях с людьми. Он говорил: «Если хочешь добиться чего-то серьёзного, надо делать всё по-максимуму. Это мой жизненный принцип. И слава Б-гу, что мои наследники следуют этому принципу».

Соломон гордится своим внуком капитаном Роном Даниэлем, который служит в Израильской армии с 2002 г.

Внучка Соломона, Галина, написала на русском языке рассказ «Кто мой герой?» о своём доблестном дедушке. Рассказ был одним из лучших на конкурсе Союза инвалидов Второй Мировой войны.

Со своей женой, Соней, он прожил душа в душу 60 лет. Он ей очень благодарен за возможность заниматься творчеством несмотря на все жизненные трудности. Он, как и в молодости посвящает ей стихи.

В январе 2010 г. Соломона постигла тяжёлая утрата – после продолжительной болезни ушла из жизни его любимая жена Софья Даниловна. Но горе не сломило его. Окружённый любовью и заботой своих близких, он находит силы активно участвовать в общественной жизни города Ор-Акива.

Жизнь вопреки смерти

Эдуард Аксельрод

Бат-Ям – Днепропетровск,
«Шабат Шалом»
(Днепропетровская еврейская газета)
28-08-2003

Макс Привлер пережил ужас Холокоста. И не просто пережил. Состязался со смертью. Это был неравный поединок, но он его выиграл. Дважды оказывался в братской могиле и выбирался из нее. Еще раз ему удалось удрать из-под стволов эсэсовских автоматов. После гибели своих родителей, братьев и сестер в одиннадцать лет стал мстителем. Партизанил, был кадровым разведчиком. Согласитесь, окончить войну мальчишкой, имея ордена Славы, Красной Звезды, Отечественной войны, чешские награды «За штурм Дуканского перевала» и «За братство по оружию», не каждому взрослому удалось. (Два солдатских ордена Славы на его псевдоним разведчика «Юрко Яремчук» до сих пор не оформлены на имя Макса Привлера. Ред.)

Бывший житель Днепропетровска (до 1990 года), а ныне израильтянин Макс Привлер все это изложил в автобиографической книге «Расстрелянный трижды». Недавно она вышла в Израиле. С цитат из нее я и начну.

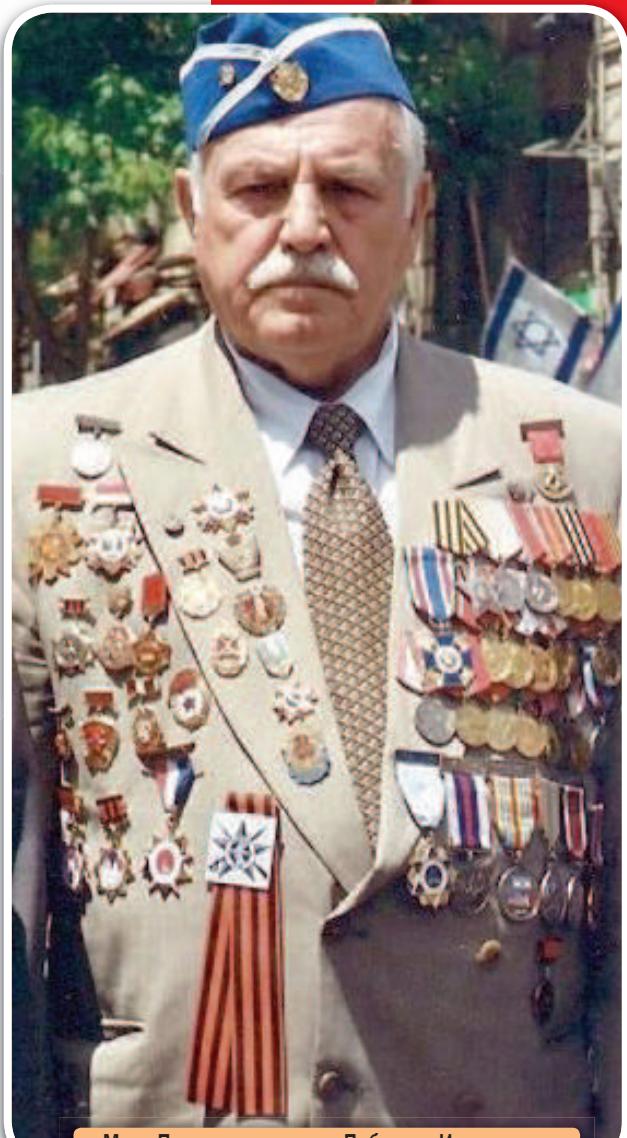
Я... с криком бросился к отцу.

- Так ось де він! Став його біля татка.

Загремел выстрел, и я очутился в яме. В ту же секунду рядом оказался отец... Я ощущаю свое тело, шевелятся пальцы на руках и ногах. Неужели отец успел столкнуть меня в яму живым? Я был завален снегом, глиной, с краю прикрыт телом отца... Я пополз по земле, превозмогая усталость, оставил отца в этой ужасной яме....

***Пробрался сквозь толпу. И вдруг узнал маму. Она висела возле магазина зеркал. В витрине были выставлены зеркала, и в каждом я видел маму. Десятки повешенных раскачивались вправо и влево. Мама склонила голову набок, как бы отыскивая в толпе меня. - Мама! - закричал я изо всех сил и рванулся к ней. Но в этот момент чья-то крепкая рука поймала меня... И меня повели. Как слепого, немого, глухого. Без чувств и мыслей в голове, без сил и желания что-либо делать....

*** ...Люди обреченно шли к яме. Вот и моя очередь... Я побрел к яме и вдруг вспомнил, как папа прошлый раз столкнул меня в яму. Сильные струи дождя мешали немцам вести прицельный огонь... Подошел к яме и

Макс Привлер на параде Победы в Иерусалиме в 2008 г., фото Майи Кишиневской

1943 год. Секретная разведшкола НКВД.
Юрко Яремчук (Макс Привлер) и Иван Котельников
(настоящее имя и его судьба не известны)

прыгнул. Немцы, отстрелявшись, поспешили к машинам. Скоро я почувствовал, что яма быстро заполняется дождевой водой....

***...Меня задержали, завели в отдельную комнату и велели снять штаны. Неожиданный удар по лицу и громкий крик: «Та він жидок!»... ...Нас вывели, погрузили в машину и повезли. Вот уже виден знакомый кожзавод, а за ним ямы. Люди выскоцили из машины и бросились бежать врасыпную... Я успел добежать до кустов. Позади гремели выстрелы, а впереди маячил заветный лесок.

Макс родился в 1931 году в семье карпатского мельника. Род крепким, смышенным деревенским парнем, знающим толк во всех сельских премудростях. Умел обращаться с лошадьми и домашней скотиной. Работал топором, пилой. Знал горы и легко в них ориентировался. Его окружала девственная природа и... люди самых разных национальностей. Это ему позволило уже в раннем детстве освоить не только идиш и украинский (с гуцульским диалектом), но еще польский, немецкий (ох, как это ему потом пригодится!).

Его детство прервалось в сорок втором. Из приведенных цитат вы уже знаете, что в одиннадцать лет он дважды оказывался в ямах-могилах, бежал от немцев. Он видел повешенную маму, на его глазах убили младших сестричку и братика.

Вместе с сединой, которая припудрила виски мальчишки, пришло решение. Отомстить! Не только за своих близких. За свой народ, который на его глазах втаптывали в грязь. Он был уверен, что такое невероятное везение отпущено ему не напрасно. И он стал мстить фашистам, используя все свои детские и недетские возможности.

Макс пробирается к партизанам, которые базировались в горах Карпат, и становится их связным. Явочные квартиры, листовки, сбор информации о гитлеровских гарнизонах - вот его сфера деятельности.

Немцы бросают против «лесных мстителей» регулярные части. Силы неравные. Зимой сорок второго отряд попадает в окружение. Он в легких, почти летних ботинках отлеживается в сугробах. Из окружения партизаны выбрались, но у Макса - обморожение ног. Ступни кровоточат, ногти на пальцах - черные. Он в полуబессознательном состоянии лежит на срубленных сосновых ветках - лапнике, - уже ни на что не надеясь.

И вот он снова, Его Величество Случай. На партизанском аэродроме - заснеженной поляне - приземляется самолет, прибывший с большой земли. Летчик, проходя мимо закутанного в тряпье ребенка, интересуется:

- Что за чудо там такое?

- Да это наш связной. Гангрена, видимо, у него начинается, - был ответ.

- Грузите в самолет, - пилот мгновенно принимает решение.

Так Макс через несколько часов с Карпат попадает в Москву, в военный госпиталь. Еще день-другой - и ничего, кроме ампутации, сделать было бы невозможно. Да и кто бы это в лесу сделал. Случай спас Максу не только ноги, но и жизнь, скорее всего, тоже.

А в госпитале, где его выходили, стало известно, чем у партизан он занимался. Им заинтересовалась фронтовая разведка, и в сорок третьем он - выпускник особой разведшколы при 26-м Управлении контрразведки СМЕРШ («Смерть шпионам»).

ЮНЫЕ БОРЦЫ С НАЦИЗМОМ

К тому, что он знал и умел раньше, добавилось многое другое. Теперь он владеет всеми видами стрелкового оружия, умеет обращаться с радиопередатчиками, ориентироваться по звездам, маскироваться на местности, знает приемы единоборств. Как говорит сам Макс, вскоре он стал ушами и глазами армии. А если надо, и руками. Разведчики стрелковому оружию предпочтуют бесшумное, холодное. Штык, кастет, финка. Вот как об этом оружии вспоминает Макс.

«Точили финки с помощью специальных брусков из мрамора. Их остроту любил проверять Нигматулин (командир разведроты). Он вырывал волос, приставлял его к финке и дул на него. Волос должен был перерезаться...».

Конечно, операции с помощью такого оружия проводили бесшумно и молниеносно. Привожу описание одной из них, в которой принимал участие и юный разведчик.

«...Мы вклинились в тыл противника примерно на 20-30 километров и спрятались в лесу недалеко от шоссейной дороги... Здесь располагался КПП немцев. Мы сняли регулировщиков и пропустили колонну автомашин. ...Остановили жезлом последнюю. Шофер и сопровождающего солдата пригласили на КПП. Здесь их ликвидировали и спрятали в лесу. Мы сели в кузов машины, загнали ее на опушку леса и выключили фары. Офицер-разведчик развернул радио и передал шифровку в штаб фронта...».

В этой, как и всех остальных операциях, Макс значился под своим новым паролем-именем: Юрко Яремчук.

Помимо «ликвидаций» и «снятия», Юрко под видом бродяжки, пастуха, перегонщика скота проникал во вражеские тылы и с оперативной информацией возвращался обратно. Сведения, которые он добывал о дислокации немецких частей, их количестве, вооружении, и которые ложились в основу планов наступления или обороны наших войск, были бесценны.

Каждое «путешествие» по тылам противника было хождением по канату или, точнее, по лезвию бритвы. Однако молодость, смекалка, находчивость позволили ему выходить благополучно из самых невероятных приключений.

Очередное задание уже в сорок пятом было получено от командующего армией А.А.Гречко. Нужно было наладить связь с чешским генералом Людвигом Свободой. И Макс без страха ринулся выполнять задание, не догадываясь, что оно будет последним, что беззубая старуха с косой попробует в очередной раз взять реванш за свои предыдущие неудачи.

За день до конца войны, 8 мая, возвращаясь в свою часть, Юрко (то бишь Макс) попадает под разрыв танкового снаряда. Возможно, это был последний выстрел фашистского танка. И был бы этот эпизод концом жизни юного разведчика, если б не... опять Случай, который явился в лице двух чешских школьниц. Они вынесли мальчишку из-под дымящихся развалин и доставили в полевой лазарет. Кого спасли, девочки не знали (узнали много лет спустя, когда им всем троим удалось встретиться уже в своей взрослой, мирной жизни). Впрочем, тогда никто не знал, кто этот полу живой подросток. Ведь чуть ли не полгода Макс был в коме, а документов при нем никаких не было. О том, что его сочли погившим, Макс узнал только че-

Чехословацкие девочки, откопавшие Макса Привлера, заваленного обломками после взрыва рядом с ним снаряда и доставившего его в госпиталь 8 мая 1945 года.

9 мая 1975 года. 30 лет Великой Победы. Подмосковье. В центре Макс Привлер, справа Министр Обороны Маршал Советского Союза А.А.Гречко

САМЫЙ ВОЛНУЩИЙ ЧАС

Евгений Иванов

Боевому другу Максу Привлеру
и Рудольфу Пешке

Шел сорок пятый Немыслимый год,
Потом дымились солдатские спины:
Армия наша летела вперед
Неотвратимой, обвальной лавиной.

Реки и горы и смерть поперек...
Враг удержать нашу ярость не мог!
Вдруг за седыми хребтами Карпат,
Где нашим выстрелам вторило эхо,

Скажу лишь одно. Ему это стоило не меньше мужества и находчивости, чем при выполнении заданий в тылу у врага. Тем более что враги у него сохранились и в этом, послевоенном периоде. Кто? Антисемиты. Они неистребимы, как чертополох на пустырях.

В детском доме, где в конце концов Макс оказался, его к стенке припер как-то местный «авторитет»:

- Слушай! Ты, говорят, был разведчиком. Этого не может быть. Ты жид, а ведь жидов немцы убивали. Не строй из себя героя и иди убирай туалет...

Возможно, «авторитет» что-то еще хотел сказать, но не успел. С разведчиками так разговаривать нельзя. Он этого не учел и от мощного, молниеносного удара отлетел в сторону. Больше хамить Максу в детдоме никто не решался.

А уже в пятидесятые годы (времена «дела врачей») ему еще раз пришлось «разъяснить», кто есть кто. В помещение, где он работал, ворвалось несколько украинских националистов, во главе с неким Сиденко, с криками:

- Вон отсюда, жидовские недобитки!

«...Волна возмущения охватила меня, - вспоминает об этом эпизоде бывший разведчик, - так, что подвернувшись под руку бутылкой молока я ударил Сиденко по голове. Молоко, предназначеннное для моего завтрака, окатило Сиденко, бутылка разбилась, и половина ее осталась у меня в руках. Я крикнул остальным: «Подходи, кто следующий!..».

Да. На войне он имел свое место, а теперь, в мире, им защищенном, вакансий для

Премьер-министр Израиля Ицхак Рабин напутствует проект Макса Привлера (за столом слева) «Еврейские дети в борьбе с нацизмом»

ЮНЫЕ БОРЦЫ С НАЦИЗМОМ

него не было. Надо было их отвоевывать. И не только в стычках с антисемитами. С кем еще? С самим собой. Ведь за парту он снова сел в 14 лет, и ему нужно было догонять своих сверстников. И он без домашних репетиторов и платных педагогов делает это блестяще. Настолько, что уже к двадцати годам становится специалистом по монтажу и эксплуатации приводных электродвигателей прокатных станов (как инженер-прокатчик скажу, что это одна из самых сложных и ответственных профессий на металлургических заводах - Э.А.).

Электромонтажник Макс Привлер работал на многих заводах Днепропетровска. И вот только там, в узком кругу специалистов, его еще помнят. В 1990 году Макс с семьей уехал в Израиль, где и живет в городе Бат-Яме по сей день.

Во время поездки в Израиль мой путь лежал именно в Бат-Ям. Первое, что я сделал по приезде, - набрал номер телефона Привлера.

- Ну, конечно, рад буду встрече, - загремел на другом конце провода густой баритон. - Вы как, хорошо ходите? А я плохо. Встретимся в центре, а оттуда - пешком ко мне. Это недалеко. Только учтите, идти будем медленно.

Он пришел к назначенному месту минута в минуту. Разведчики даже в старости не умеют опаздывать. Макс оказался необыкновенно обаятельным человеком. Массивным и... надежным, что ли. Надежность проявлялась во всем. Даже в бутылке коньяка, которая тут же оказалась на столе, когда мы добрались до его дома. Он наливал по большой стопке, приговаривая, что нечасто ему приходится выпивать с земляками. Наливал до краев. И залпом опрокидывал. На улице было за тридцать, и я сачковал. Не допивал до конца. Он, конечно, это заметил.

- Вы ведете себя не очень галантно. Так мы не доберемся до истины, которая, сами знаете, где находится. Вы же хотите ее узнать?

И я услышал его историю. Он рассказывал тяжело, часто останавливаясь. Память вгоняла его в детство, и снова ужас перехватывал дыхание...

Расстались мы поздно вечером. Я уносил с собой две его книги - «Расстрелянный трижды» и «Еврейские дети в борьбе с нацизмом». На обложке одной из них он сделал надпись: «Эдуарду. Мой девиз: «Мир без войны. Матери без слез. Дети без оружия». С уважением, Макс Привлер. 11.04.2003 г.».

Макс Привлер с Министром Обороны Израиля Амиром Перецом и вице-мэром г. Бат-Ям Эли Эрифом (в центре). 2006 год

Словно завязли колонны солдат
В крепких объятьях словаков и чехов.
Нас в просоленных солдатских хабэ
Люди срывали с брони и лафетов,

Братья в слезах прижимали к себе,
Рук не хватало у нас для букетов!
Сколько отважных смущенных солдат
Так же, как шапки в минуту победы

В воздух взлетали /качали ребят!/,
Воздух звенел серебром их наград,
Гордость дыханье брала впередят
Нам, кто солдатскую долю отведал.

Там за горами, Где был только раз
Где каждый дом как родная обитель,
Встретил я самый волнующий час
В жарких объятьях, раскрытых для нас,

Был я в свой самый волнующий час
Братьям ликующим ОСВОБОДИТЕЛЬ!

Дорогому Максу
в знак глубокого уважения
г. Острава 27.04.89г.

■ ■ ■

ТОЛЬКА. ЕГО ВОИНЫ И ЕГО КНИГИ

История в лицах

Белла КЕРДМАН

«ЕВРЕЙСКИЙ КАМЕРТОН»

14 февраля 2008 г.

Этот мой новый знакомый - человек в серьезных летах и серьезных чинах: генерал-майор Армии обороны Израиля и доктор истории. Имя у него тоже серьезное: Ицхак. Однако друзья зовут его Толькой. Я спросила, почему так? Он улыбнулся и объяснил: когда он присоединился к группе из двадцати литовских парашютистов, заброшенных в партизанский отряд на территории Белоруссии, командир приказал сменить имя и прикинул, какого у них еще нет. Не оказалось ни одного Анатолия. «Будешь Толькой!» - сказал молодому еврейскому пареньку. Фамилию тоже велели поменять: был Рудницкий - стал Куницкий. Это делалось, чтобы оккупанты, в случае чего, не могли найти и покарать родственников партизана. Впрочем, родни у него к тому времени в живых уже не осталось. Только сестра - она тоже была в партизанах, правда, в другом отряде. Но приказ есть приказ, пусть зовут Толькой! А в 45-м, уже на Земле Израиля, он вернул себе имя собственное. Фамилию же взял третью - короткую, как тогда было здесь принято: Арад.

Итак, мой собеседник - тот самый историк Ицхак Арад, который в течение многих лет возглавлял совет мемориального комплекса Яд ва-Шем, один из самых авторитетных в мире экспертов по Холокосту, почетный доктор польского университета им. Коперника.

Для встречи с ним у меня имелся существенный событийный повод: только что вышла в свет книга доктора Арада «Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941- 1945 гг.). На русском языке, подчеркнем, ибо авторская версия на иврите была опубликована три года назад, а вскоре появится и ее английский перевод. В книге более 800 страниц, она написана с предельно возможной степенью беспристрастности - это глубокое исследование специалиста. Не могу не отметить прекрасный русский язык перевода, что по нынешним временам дорогостоящее. При такой моей оценке автор замечает, что этим он обязан известному писателю и историку из Иерусалима Анатолию Кардашу, с которым вместе работал в свое время в Яд ва-Шем.

По объему и значимости изложенного материала книга И.Арада - подлинная энциклопедия Холокоста. Назову некоторые ее темы: евреи России и Советского Союза до Второй мировой войны; Гражданская война и евреи; сионизм в России; комиссариат по еврейским делам и «евсекция»... Я нашла здесь даже свой «личный» погром: петлюровский, от 15 февраля 1919 года, когда в г. Проскурове (ныне Хмельницким) была вырезана почти вся семья моего отца, в том числе бабушка, чье имя я ношу!

Массовое уничтожение евреев на означенной в названии книги терри-

Книга доктора Арада

Игорь Гаушпигель

Из ушедшего и настоящего
Унесем по крупицам в грядущее
Свои мысли, как птицы парящие,
И надежды души всемогущие.

Сокровенные, милые, ясные,
Может только немного наивные,
Но без черного, пусть и без красного,
Голубые и розово-дивные!

ЮНЫЕ БОРЦЫ С НАЦИЗМОМ

тории в означенное там же время у автора представлено по этапам: от начала оккупации до зимы 41-42 гг.; затем от весны до конца 42-го; и с начала 43-го до конца оккупации, когда спешно уничтожали последних узников концлагерей и гетто. Вплоть до "акции 1005", как зашифровано было порученное штандартенфюреру СС Паулю Блобелю заметание следов величайшего в истории человечества преступления, дабы убрать с лица земли все улики содеянного.

Из книги Арада читатель узнает о жизни евреев в гетто, в частности, о юденратах - органах общинного самоуправления в тех условиях; о том, каким образом пытались выжить еврей-одиночка или еврейская семья на оккупированной территории; о праведниках народов мира, спасавших евреев с риском для собственной жизни. Выделена и тема катастрофы евреев Крыма, где подлежали уничтожению крымчаки, но не подлежали караимы. Обращаясь к теме военнопленных евреев, автор рассказывает, в частности, о том, как по-разному решалась их участь Германией и ее союзницей Финляндией, где и условия плена были легче, и большинству пленных сохранили жизнь. Опираясь на свидетельские показания и документы, он показывает, что уничтожением евреев занимались не только карательные группы (айнзацкоманды), не только собственно армия нацистской Германии, а и огромное число доброхотов из местного населения. Не обходит он и такой деликатный вопрос, как роль церкви в процессе Холокоста. Да, отдельные священнослужители, отдельные монастыри на свой страх и риск помогали евреям, спасали от гибели их детей. Но ни одна официальная духовная инстанция не подняла голос протеста против массового истребления целого народа, не обратилась к своей пастве с вразумляющей проповедью.

Есть в книге Арада и тема еврейского сопротивления, знакомая ему не только по документам и свидетельствам современников, а и из личного опыта.

Однако пора от рассказа о книге вернуться к рассказу о ее авторе. Он родился в ноябре 1926 года в польском тогда, а ныне литовском городке Свинчянисе. Семья уже проживала в Варшаве, и мальчик готовился к бар-мицве, когда началась война. Ицхак с 15-летней сестрой Рахелью решили бежать от немцев. Куда? Разумеется, в Свинчянис, где все знакомо, где много родни. К тому же то была уже "освобожденная" Советами территория. А родители остались в Варшаве и погибли. 40 человек из его большого еврейского рода стали жертвами Катастрофы: бабушки и дедушки, дядя и тетки, их дети разных возрастов...

25 декабря 1939 года, как раз на Рождество, перевозчик высадил брата с сестрой на берегу реки Буг. Дальше подростки спасались сами. Не без содействия добрых людей.

"Если местные против тебя - не выживешь", назидательно говорит мой новый знакомый.

На хуторе их приютил какой-то крестьянин, указал дорогу на Белосток, из которого Ицхак с Рахелью отправились в свой родной Свинчянис.

Однако после недолгой передышки им снова пришлось бежать от немцев, на сей раз в Белоруссию: на календаре уже был июнь 41-го. Увы, немецкие танки двигались быстрее, чем еврейские дети. Рахель принял в семью и выдал за свою дочку один ремесленник - эту категорию "полезных" евреев пока не трогали. Позднее она с группой молодых ребят уйдет из Вильнюса к партизанам в район лесов Рудники. А Ицхак вернулся обратно в маленькое гет-

Юный партизан

Чудный мир опошен незаслуженно,
Обойден, обделен лаской нежною,
Не разбужены, словно ненужные,
Чувства тонкие, чистые, прежние.

Нет, не верится, верить не хочется,
Что иссякнут черты человечности.
Не старайтесь, гадалки-пророчицы,
Окружить нас личиной беспечности.

Небывалых красот зори вешние
Возвратят все, что было утрачено.
Не впадайте в унынье поспешное,
Все свершится, что нам предназначено.

ЮНЫЕ БОРЦЫ С НАЦИЗМОМ

Бригадный генерал Армии Обороны Израиля

Литве, где для вчерашних партизан было немало дел: недобитые пособники оккупантов из местных националистов прятались в лесах. Однако, восемнадцатилетний еврейский парень устремился в другую страну, где тоже, он полагал, хватало работы для человека, знакомого с оружием. В мае 45-го Толька продолжил ставший привычным за годы войны бег, имея на этот раз целью далекую Палестину. С документами греческого подданного и соответствующей легендой - мол, работал в Германии, он через Польшу, Словакию добрался до Италии.

В конце декабря 45-го, как раз на рождество, которое англичане в подмандатной Палестине, как положено христианам, хорошенько отметили, и морские границы охраняли не столь бдительно, к берегу в Нагарии причалило небольшое судно с нелегальными эмигрантами на борту. В их числе был и наш герой. Я спросила у Ицхака о сестре - как сложилась ее судьба? Он рассказал, что после изгнания оккупантов портрет красавицы Рахель поместил на обложку журнал "Огонек". "Литовские партизаны возвращаются домой", - таков был смысл текстовки под фотографией. Однако свой дом Рахель создала на Земле Израиля, куда прибыла вслед за братом.

Работы для вчерашнего партизана здесь оказалось, действительно, немало. Ицхак Арад стал командиром в подпольном ПАЛЬМАХе, где не хватало людей с военным опытом. Он учил молодых ребят подрывному делу. Учился летать в группе, которая должна была стать ядром будущих военно-воздушных сил еврейского государства. Для отвода глаз английской администрации эти "авиалюбители" действовали под видом спортивного клуба. Однако тут молодому человеку не повезло. В начале 48-го, когда предстоял полет в Чехословакию на "мессершмитах" (официально считавшийся тренировочным, а на самом деле летели за трофеинным оружием, которое правительство Чехословакии с согласия Советского Союза передавало еврейскому ишуву Палестины), Ицхака

В музее Яд-Вашем с четой Горбачевых

то Свинчяниса. Однажды немцы его схватили и погнали на работу в склад трофеиного оружия. На удачу на том складе подобралось несколько смывленых и храбрых ребят, и за месяц им удалось украсть 12 обрезов и винтовок. Когда в первый раз он спрятал под одеждой и вынес "обрезанку" (так доктор Арад называет обрез) было очень страшно, но вскоре этот риск во спасение жизни стал рутиной. С оружием они бежали в лес, прибились к партизанам.

- Я лично в группе пяти подрывников пустил под откос 13 немецких эшелонов на линии Вильнюс - Даугавпилс, которая была тогда главной артерией снабжения оккупационных войск под Ленинградом, - рассказывает мой собеседник.

Толька Куницкий воевал на той войне, которую в мире называли Второй мировой, а в Советском Союзе - Великой Отечественной, до самой победы: до 8 мая 45-го года. Отряд оставляли в

ЮНЫЕ БОРЦЫ С НАЦИЗМОМ

за штурвал самолета не пустили: у боевого командира, неожиданно для него самого, обнаружили дальтонизм. Так что военную карьеру Арад продолжил в наземных войсках. Был командиром бронетанковой роты, батальона, а со временем - и начальником штаба бронетанковой дивизии.

Партизан Толька, то есть Ицхак Арад, участвовал во всех войнах Израиля, в том числе и в Войне Судного дня: как только она началась, вернулся в армию, хотя к тому времени уже вышел в отставку. Он служил под началом таких прославленных военачальников как- Игаль Алон и Ицхак Рабин, достиг звания бригадного генерала.

На учебу в университет его в свое время направило командование армии. Получив высшее образование, Ицхак Арад специализировался по истории Катастрофы, которая катком прошлась по его жизни. Для доктората выбрал близкую ему тему: историю Вильнюсского гетто, и эта работа стала его первой книгой. В течение последних четырех лет службы генерал Арад возглавлял в армии отдел образования. А когда подошло время отставки, ему предложено было возглавить мемориал Яд ва-Шем. И по этому, известному во всем мире адресу доктор Арад проработал более двадцати лет.

Через его руки за эти годы прошли тысячи архивных документов, кассет с рассказами свидетелей Холокоста, он встречался у стендов уникального музея с выдающимися деятелями многих стран мира. Неутомимый исследователь, он ездит по свету в поисках новых свидетельств преступления против человечества.

Его приглашают как эксперта к участию в судебных процессах над лицами, подозреваемыми в таких преступлениях. Так, Арад был экспертом на процессе Ивана Демьянюка, в котором ряд узников лагеря смерти опознал жестокого надзирателя по кличке Иван Грозный. Гуманный израильский суд тогда Демьянюка оправдал - за недостаточностью улик. Однако доктор Арад остается при своем мнении: Демьянюк в немецком концлагере служил.

Если поместить сегодня в любой поисковой системе интернета это имя - Ицхак Арад, на мониторе компьютера появятся сенсационные заголовки прошлогодних сентябрьских публикаций: "Наглая выходка наследников литовских фашистов"; "Литовцы обвиняют в военных преступлениях историка Холокоста"; "Израиль и Литву поссорило эхо войны". В чем дело? А в том, что генеральный прокурор Литвы инициировал расследование по подозрению Арада в том, что он, будучи во время Второй мировой войны партизаном, принимал участие в убийствах литовцев. В письме, направленном в министерство юстиции Израиля, литовские власти потребовали допросить его по этому поводу. Тут я процитирую газету "Гаарец" за 7 сентября минувшего года:

"Арад недавно принимал участие в Вильнюсе в работе комиссии по рас-

Вручение Юбилейных медалей Правительством государства Израиль и США в честь 65-летия Победы над фашистской Германией Генералом Моше Темкину и Ицхаку Араду

в Актовом зале Союза воинов и партизан-ивалидов войны с нацистами государства Израиль. Тель-Авив, 2010 г.

Слева-направо:
Макс Привлер, президент Всемирной Ассоциации юных борцов Атигитлеровской коалиции, генерал Моше Тёмкин, Ефраим Бауэх, председатель Союза русскоязычных писателей Израиля, генерал Ицхак Арад, доктор наук, профессор, Завелий Кляйнер, помощник президента Союза воинов и партизан-ивалидов войны, Евсей Тростянский, журналист, Бригадный генерал в отставке Роман Ягель, президент Союза воинов и партизан-ивалидов войны с нацизмом.

ЮНЫЕ БОРЦЫ С НАЦИЗМОМ

Доктор Ицхак Арад. 2004 г.

следованию преступлений нацистского и советского оккупационных режимов в Литве. Будучи членом комиссии, Арад поднял вопрос об участии жителей Литвы в убийствах местных евреев. Заявление вызвало бурную реакцию со стороны литовских праворадикальных групп, которые указали на то, что обвинения преувеличены, а комиссия должна сосредоточиться на преступлениях, совершенных советским режимом. Узнав о возможном расследовании против себя, Арад отклонил приглашение возвратиться в Вильнюс и продолжить свою работу в составе комиссии. “Если бы это было просто личным делом, я бы не придавал этому такой публичной огласки, но здесь есть все что угодно, кроме личного”, - отметил бывший глава Яд ва-Шема. - С помощью этого расследования они пытаются создать иллюзию равенства. Ведь тогда получится, что, да, литовцы убивали евреев, но и евреи убивали литовцев, и что теперь мы якобы равны и можем работать дальше”.

Особенность Холокоста в Литве заключается в том, что в уничтожении литовских евреев наиболее активное участие принимали как раз местные жители, в особенности полицаи, которые начали истреблять евреев, как только советские войска покинули Литву в 1941 году, и еще до того, как туда вошли нацисты. Только несколько тысяч евреев из 220-тысячной литовской еврейской общины сумели пережить войну”. У ассоциации литовских евреев в Израиле, кстати, есть копии архивных документов, из которых следует, что в массовых убийствах евреев участвовали 23 тысячи литовцев...

Следует еще добавить, что доктор Арад дал службе департамента юстиции США письменные показания против двух служителей литовского гестапо, которые впоследствии были депортированы. (Между прочим, замечает И. Арад, поводом для экстрадиции стало не сотрудничество этих людей с нацистами - таким расследованием, к сожалению, никто не занялся, а то, что при иммиграции они об этом факте своей биографии не сообщили). Сей эпизод послужил сильным раздражителем для радикальных элементов в Литве, против неудобного свидетеля литовской трагедии евреев стали усиленно искать “компромат”.

“Я не убил ни одного мирного литовского гражданина. Возможно, в боях, в которых я - участвовал, погибли вооруженные литовские полицаи и коллаборационисты, служившие немцам и убивавшие евреев, в том числе и моих близких, - говорит доктор Арад. - В неполных 15 лет судьба предоставила мне выбор: оставаться в гетто и погибнуть или рискнуть на побег и бороться с убийцами моего народа. Я рискнул и боролся”

И продолжает бороться. Своими исследованиями, бескомпромиссными выступлениями против всякого проявления нацизма, своими статьями и книгами. Сейчас он подготовил к изданию новую книгу: “В тени красного знамени”, в которой рассказывает о борьбе советских евреев против нацистской Германии.

- Ицхак, о чём, для вас важном, я еще не спросила? - задаю по своему обыкновению завершающий беседу вопрос.

- О семье. Я счастливо женат на израильтянке, чьи родители приехали в Страну в начале двадцатых с Украины. У нас трое детей, девять внуков и три правнука. И все они здесь, в Израиле...

ДВАЖДЫ СЛАВЕН

Макс Привлер, Анна Кремянская

Леонид Исаакович Окунь родился в Минске в декабре 1929 года. Так что, ко времени оккупации Белоруссии немецко-фашистскими войсками ему не было 12 лет. И в тот год ему довелось пережить столько, что и писать об этом страшно, а каково было в этом жить!

На его глазах превращались в руины улицы города, он видел, как вешали, как прямо на улицах в машинах устраивали газовые камеры, как издевались над жителями гетто, как их избивали и убивали просто так на потеху и как увозили на машинах на расстрелы.

Ему повезло - удалось выпрыгнуть из такой машины и, пережив ночь одному на еврейском кладбище, снова вернуться к своей семье в гетто.

А потом мама его, отдав проводнице из партизанского отряда какие-то ценные вещи, договорилась, чтобы та отвела Леню в отряд. Та выполнила обещание наполовину - довела до опушки леса и там оставила, показав направление. Леня шел один по лесу, а по его пятам шел волк. На счастье мальчика он успел встретить людей раньше, чем волк на него набросился.

Так Леня попал в знаменитый партизанский отряд Зорина. Сначала он был связным между отрядом и гетто, потом стал приводить из гетто в отряд нужных людей. Всего он вывел 50 человек, в том числе необходимого отряду врача. Вот только родных своих вывести ему не удалось. Нашелся в гетто предатель, и как-то раз вернувшись туда с очередным заданием, он оказался у виселицы, на которой были повешены 8 человек - все его родные, в том числе мать, сестра, бабушка, тетя...

После этого Леня в гетто больше не возвращался. Он участвовал

Лёня Окунь. 1944 год.
Леонид Окунь был удостоен высшей солдатской награды, стал кавалером двух орденов Славы в 14 лет.

Леонид Исаакович в Израиле

в боевых операциях отряда, был в группе проводников-разведчиков. Когда Минск был освобожден, часть партизан вступила в армию. В их числе был и 13-летний Леня. И стал он не сыном полка, а полноправным бойцом подразделения разведки.

Первый свой орден - орден Славы III степени Леня получил после того, как перед наступлением у границы Германии в одиночку добыл очень ценного «языка», сам перетащил громадного немца через линию фронта. Вскоре вместе с группой разведчиков он добыл еще двух «языков», за что был награжден орденом Славы II степени. А было ему тогда 14 лет.

Демобилизовавшись из армии после победы, Леня попробовал было пойти в школу, но ему было не по себе в одном классе с малышами. Поэтому он пошел работать, а учился в вечерней школе. После окончания заочного отделения Московского энергетического института Леонид Исаакович более двух десятилетий проработал главным энергетиком «Почтового ящика» - одного из крупных предприятий Минска.

Казалось бы, он нашел себя, свое дело, но не тут-то было. Однажды он узнал о том, что Минскому театру оперы и балета срочно требуется изготовить макеты декораций для нового спектакля «Борис Годунов», а заведующий постановочной частью заболел. Резко изменив судьбу, Леонид начинает оформлять спектакли и в этом театре, и в драматическом им. Янки Купалы, и в кукольном.

А в 1990 году - новый поворот биографии - Леонид Исаакович уезжает с семьей в Израиль. Ехал он туда простым репатриантом, но там о нем знали. И в первый же год на новой земле он получил приглашение зажечь в Иерусалиме свечи в день «Памяти о Катастрофе».

Леонид Исаакович живет в Кирьят-Оно. Он один из участников организованной Максом Привлером ассоциации «Юные борцы Антигитлеровской коалиции», в которую вошли около 100 юных участников Второй мировой войны, ныне живущих в Израиле.

«Я хочу, - говорит Леонид Исаакович, - чтобы дети и внуки знали нашу историю, чтобы помнили о душегубках. Нельзя это забывать!»

По материалам книги Макса Привлера, Анны и Павла Кремлянских «Еврейские дети в борьбе с нацизмом.» и публикации Дорра Биренбойма «Леонид Окунь - самый молодой кавалер двух орденов Славы».

РАДИСТ ЛЕОНИД ВИКТОРОВ

Макс ПРИВЛЕР, Анна КРЕМЯНСКАЯ
“НОВОСТИ НЕДЕЛИ”

6 апреля 2000 г.

*Ключ стучит позывной
Будто дятел зимой,
И морянка летит
По эфиру домой,
Обгоняя в полете снежинки.*

Л.Викторов

Лене шел шестнадцатый год, когда разразилась Великая Отечественная война. Он родился и жил в Днепропетровске, окончил семь классов 5-й железнодорожной средней школы. С тремя закадычными друзьями строил планы на лето: кино, велосипед, природа...

Утром 21 июня мальчик встал рано, тихо снес на себе велосипед с лестницы, встретился с друзьями и помчался по шоссе. Солнце ярко светило, голубое небо над головой, зеленая трава вокруг, купание в прозрачной речке, игры - прекрасный день близился к концу. Поздно вечером усталые и счастливые мальчишки вернулись домой. Возле ворот их встретили встревоженные родители и соседи. Эта суббота стала для них последним мирным днем. Воскресным утром радио сообщило - ВОЙНА! Леня увидел, как побелел отец, как заволновалась мать. Зазвонил телефон - это отца вызвали в обком КП(б)У. Снова телефон - маму вызвали в облфинотдел. “Жди моего возвращения”, - на ходу сказала она сыну. Снова телефон - звонили друзья.

Ленька побежал к ним. Вместе пошли в школу, на митинг. Взявшись за руки, поклялись быть на переднем крае борьбы. Разошлись до завтра. Но судьба разбросала их в разные стороны. Леня в числе 40 тысяч жителей сооружал оборонительные линии, рыл окопы, противотанковые рвы на подступах к Днепропетровску недалеко от села Кринички.

Фронт приближался к Днепропетровску. Все чаще становились налеты вражеской авиации. Вот выведен из строя железнодорожный мост, разрушены цеха ряда заводов, имеются человеческие жертвы.

Отца призывали в действующую армию. А в августе началась эвакуация заводов, фабрик, учреждений. Выли сирены, грохотали зенитные орудия, земля сотрясалась от разрывов бомб. Был получен приказ об эвакуации архива облфинотдела и оставшихся сотрудников, особенно женщин и детей. Наскоро собрав летние вещи, продукты, Леня с мамой сели в грузовик и поехали на станцию Лоцманка. Пересели в грузовой вагон и поехали в неизвестность. Две недели тащился состав, пропуская воинские эшелоны с техникой, красноармейцами, оборудованием. Не хватало еды, иссякали деньги. В пути Леня познакомился со всеми хлопцами эшелона и ребята организовали свой штаб.

Наконец, эшелон прибыл в Чкаловскую область. Мальчик начал работать учеником токаря на военном заводе в г. Бузулук. Суровые военные будни, мизерный паек, напряженная работа в три смены. Мама работала в РайФО. Холодным зимним утром в цехе Леню приняли в комсомол, проголосовали единогласно: хлопец правильный, активный, хороший труженик.

Однажды его вызвали к директору завода. В кабинете сидели четыре незнакомца. Спросили про отца, семью, про Днепропетровск. Об отце Леня с мамой

Курсант школы радистов

Зоя Кабекова

*Война... Какое слово ёмкое:
И фронт, и тыл, и плен не по вине.
И снова мое сердце ёкает,
Лишь только вспомню о войне...*

Леонид Викторов

Дождь моросит на улице
И небо в тучах осеннее,
А сердце наполнено радостью
И настроение - весеннее.

На встречу к своим партизанам лечу,
Наперекор заботам и времени,
За круглым столом соберется отряд,
Бойцов легендарного племени.

Мы вспомним походы, словацкую
быль,
Нависшие скалы теснятся рядами,
Крутые обрывы... И снежная пыль
Дорогу в отряд засыпала за нами.

Нам смерть не страшна и засада в
лесу...
И минное поле для нас не преграда.
Беда или радость у нас на двоих,
Тепло у костра - партизану награда!

ничего не знали и очень волновались за него. Неожиданно последовал вопрос: "В партизанскую школу хочешь?" Леня встрепенулся: "Конечно, хочу, только руки сейчас вымою". Все засмеялись. А потом были прощание с мамой, Москва, беседа в ЦК партии, медицинские комиссии. В конце 42-го Леня стал курсантом партизанской спецшколы радистов в г. Саратове. Началась напряженная учеба. По двенадцать часов - прием на слух, передача на ключе, политчас и шифрочас, схемы, общая военная подготовка, боевые стрельбы, подготовка по физкультуре. Командиры отдавали ребятам все свои знания, опыт, личное время, были с ними днем и ночью, чтобы их питомцы стали сильными, ловкими, неуловимыми народными мстителями. И ребята отвечали им взаимностью. Зимой, в метель, в непогоду в полевых условиях разворачивали радиоузы, выходили на связь, готовились к работе в тылу врага.

Полтора месяца оставалось еще до окончания школы, когда Леня в составе шести особо успевающих курсантов был командирован в Москву, в Главный штаб партизанского движения. Их вызвали для организации и расширения уже действующего радиоузла штаба. Вот тебе и тыл врага! Но приказ есть приказ.

Ребят привезли в небольшое село Никольское-Трубецкое. Три спецмашины, антенные установки - это передающий центр. В другой хате установлены приемники. Встретили ребят приветливо, ответили на все вопросы, показали хозяйство. Началась новая жизнь и работа. Радист у приемника - весь внимание. Среди сотни писков, музыки и различных помех необходимо услышать нужный позывной, связаться с ним, принять и передать радиограммы быстро, с наименьшими затратами времени, чтобы твоего далекого друга-радиста не запеленговали немцы, иначе быть беде. Работы много, следили за эфиром круглосуточно. Осень 1943 года выдалась холодной, дождливой, голодной. В свободное от дежурства время ребята бегали за село, в темноте руками искали остатки картошки или морковную ботву. А потом долго варили ее, без хлеба, без соли съедали и крепко засыпали до подъема.

Прибывали новые радисты, более совершенная техника. Они отвечали за состояние радиосвязи и сознавали, что своей повседневной, четкой работой участвовали в общей партизанской борьбе в тылу врага.

Под ударами Красной армии фашисты отступали. Уже освобождена Украина. Часть техники и людей была отправлена в Харьков для организации там промежуточного радиоузла. В ноябре 43-го Леня Викторов с небольшой группой радистов прибыл в Харьков. На них легла основная нагрузка, а также караульная служба. В начале декабря радистов перебазировали в Святошин, под Киев. На радиоузле шла напряженная работа. Более двухсот корреспондентов в тылу врага, связь с фронтами, радиограммы...

Пошел сентябрь 1944 года. Леню вызвал начальник радиоузла Максим Васильевич Телега. По дороге в голове обгоняют одна другую мысли: какова причина вызова? По работе никаких замечаний, от мамы на днях было письмо, отец жив-здоров, воюет, второй орден получил. Зашел в кабинет, доложил по уставу, сел на край стула. Сердце учащенно забилось.

- Завтра, к 10.00 прибыть Вам с ефрейтором Беляевой в УШПД к полковнику Е.М.Коссовскому. Там Вас будет ожидать И.В.Аколовский. Готовится группа для полета в тыл врага. Вы с Беляевой в составе группы. Справитесь? Не подведете?..

Больше года Леня жаждал услышать эти слова приказа. Он был счастлив. Всю ночь не спал. Когда друзья узнали эту потрясающую новость, долго мол-

ЮНЫЕ БОРЦЫ С НАЦИЗМОМ

чали. Леня понимал их состояние. Каждый все отдал бы, чтобы быть сейчас на его месте.

В Украинском штабе партизанского движения в кабинете полковника Коссовского собралась вся группа. Внимательно слушали Ефима Михайловича. Узнали, что фронт переместился на территории соседних государств. Бои идут в Польше, Болгарии, Венгрии, Югославии. В Чехословакии разгорается партизанское движение. Товарищ Готвальд обратился в ЦК ВКП(б), лично к товарищу Сталину с просьбой об оказании помощи в организации партизанского движения в Чехословакии.

Радистам поручено вылететь в Словакию в распоряжение Главного штаба партизанского движения Чехословакии. Викторов Леонид назначается старшим радистом. На подготовку дается три дня.

Группа радистов досрочно закончила сборы, тепло попрощалась с друзьями. В ночь с 5 на 6 октября 1944 года вылетела на Запад. При перелете через линию фронта самолет обстреляли немецкие зенитки. Но обошлось. Через 5 часов полета самолет приземлился на аэродроме "Три дума" под Банской-Бистрицей.

Рассвело, вокруг горы. Тишина. Глубокий тыл врага. Радистов встретили словаки - офицеры из штаба Асмолова. Разгрузили самолет и на грузовике поехали в Банску-Бистрицу. По дороге узнали, что в 12 километрах от города идут упорные бои партизан с немцами. Вот и Банска-Бистрица - небольшой городок в межгорье. На центральной площади фонтан.

Двух- и трехэтажные здания. На крыльце одного из них - часовой. Радистов принял полковник Алексей Никитович Асмолов, командующий Чехословацким штабом партизанского движения, начальник штаба майор Иван Иванович Скрипка, руководители ЦК компартии Словакии. Дружеские, крепкие рукопожатия, вопросы, искрящиеся глаза Асмолова: "Такие орлы прилетели. И орлица с ними. Держись, немчура, надежная радиосвязь - залог нашей победы. Время не терпит".

Партизаны угостили радистов горячим черным кофе - вкуснейшим напитком. Уже через час они расположились в двухэтажном доме в нагорной части города. Установили радио, привод, антенну с лучом на восток. Через несколько минут Леня вышел на первую самостоятельную связь с Родиной. Ура! Связь устойчивая. Переданы и принятые первые радиограммы. За работу принялись шифровальщики. Через 20 минут в штаб Асмолова повезли приказы Украинского штаба партизанского движения.

В середине октября 1944 года наступление советских войск в Карпатах, отвлекших на себя большие силы немецких войск, позволило партизанам и восставшему народу удерживать освобожденную территорию Словакии около двух месяцев. Не желая иметь в своем тылу взрывоопасный очаг, гитлеровцы перебросили для подавления восстания отборные части. Партизанам оставался один путь - уйти в горы и вести войну оттуда.

Радисты покидали полюбившийся город с тяжелым чувством. Дорога на Донovaly была забита войсками словацкой армии, беженцами, бомбилась немцами. Зенитная артиллерия армии бездействовала. Военное командование утратило над ней контроль. Только партизанские отряды продолжали сражаться с немецкими войсками, осуществляя планомерный отход в горы. После тяжелого перехода радисты соединились с партизанской бригадой Егорова. Связавшись по радио с центральным радиоузлом УШПД, штабом 1-го Украинского фрон-

Инженер Леонид Викторов. Днепропетровск
сентябрь 1977 год.

ЮНЫЕ БОРЦЫ С НАЦИЗМОМ

Зоя Кабекова

Над Поклонной горой майский
ветер в разгуле,
Будто снова свистят
запоздалые пули,
Вырывая живых
из нестройной колонны,
Догоняя с войны на вершине
Поклонной.

Каждый май на Поклонную я прихожу
И подросшего сына с собой привожу,
Говорим о потерях и о светлой поре,
И стоим, и молчим на Поклонной горе.

Над Поклонной горой птицы
в небе кружили.
Вспомним всех, с кем когда-то
мы вместе служили.
Кому выпала доля воевать,
побеждать,
А кому-то на долю только
выпало ждать.

та, узнали, что немцы готовят нападение на партизанский лагерь. Нужно было снова уходить. Этот переход стал самым тяжелым испытанием. Разыгралась метель. Ветер бросал острые льдинки в лицо, на руки, под одежду.

Экипировка радиостанции не соответствовала погоде. Как заправские альпинисты, они карабкались по крутым заснеженным скалам, рискуя улететь в пропасть. Асмолов шел впереди, часто останавливался, выяснял с проводниками направление движения. Во время этих передышек мозг сверлила одна мысль: как бы удержаться, не упасть, не сорваться в пропасть.

Переход длился целый день. Падали даже самые выносливые. Ветер не утихал. Был дан приказ спуститься в Ломнинскую долину. Обессиленные люди повалились прямо на снег и забылись в тревожном сне. На следующий день радиостанции встретились с бригадой Пршикрила и партизанами отряда К.Данилова. Установили аппаратуру, радиосвязь с партизанским штабом и отрядами, а вскоре и с Москвой. Она действовала безотказно, интенсивно. Работа радиоузла не осталась незамеченной немцами, они привезли спецмашины с радиопеленгаторами. Но советские радиостанции продолжали работать в прежнем ритме. 30 ноября немцы напали на Ломнистую равнину. Все штабные работники и радиостанции с автоматами в руках отражали яростные атаки гитлеровцев. Враг был отброшен.

Январь 1945 года. Зима - чудесное время года. В горах красота неописуемая. Однажды ночью Леня с неразлучным другом Афанасием по прозвищу "Яшка" присоединился к группе словаков, направлявшихся в село Магурку за провиантами. Несколько часов спуска с гор доставили огромную радость. Немцев в селе не оказалось. Хозяева словаки организовали ребятам баньку, сытно накормили, наполнили рюкзаки провизией. В три часа ночи партизаны двинулись в обратный путь. Задул ветер. Шли след в след, утопая по пояс в глубоком снегу. Вдруг Леня поскользнулся, упал, скатился в какой-то обрыв, ударил голову. Когда очнулся, понял, что по пояс провалился в снег и что-то тащит его вниз. Молнией мелькнула мысль - лавина! Пронесся мимо стоявших словаков, Афанасия, не слыша их голосов. Вдруг почувствовал резкий удар, лавина снега прекратила движение.

Леня не знает, откуда взялись силы. Высвободил руки и пополз к товарищам, а те подхватили его со смехом и слезами радости, что все окончилось благополучно. Пальцы и ладони Лени кровоточили, ноги не держали. Партизаны на спинах поочередно тащили его до лагеря.

Только дошли, как загрохотала земля. Это пошла лавина, на огромной скорости сокрушая все на своем пути. Досталось Лене от командиров! Сутки без сил лежал он на нарах. Однако отменное здоровье и молодость сделали свое дело. На следующий день в эфире вновь зазвучал его позывной.

Летели военные дни. Однажды, во время одного из переходов партизан обстреляли немцы. Конь, на котором был привьючен электропривод для питания рации, был ранен и свалился в глубокую пропасть. Конь погиб, привод поврежден. Без электросварки не отремонтировать. Что делать? Надо идти в Магурку. Леня со связанным Яношем пошли в село. Там стоял мадьярский гарнизон, но были и немцы. Друзья Яноша сказали, что в центре села расположена мастерская по ремонту машин.

Значит, должна быть и электросварка. Но как пронести незаметно привод? Автоматы замаскировали в клуне, а привод уложили на детские санки, прикрыли рогожей, рядом примостили лемех от плуга и в открытую, не прячась, повезли свое добро по центральной улице села. Ребятам повезло. Ни немцев, ни мадьяр не встретили они на дороге. Видно, те спали еще в это раннее мороз-

ЮНЫЕ БОРЦЫ С НАЦИЗМОМ

ное утро. В мастерской Янош поговорил с другом и тот за двадцать минут отремонтировал привод. Без происшествий ребята вернулись в хату, а к утру вернулись на базу. Радиосвязь не прекращалась ни на минуту.

В дневнике старшего лейтенанта Аколовского, начальника связи Главного штаба партизанского движения Словакии, есть такая запись:

“...14.02.45. В сторону Святого Микулаша на соединение с Красной армией послана разведгруппа. С ней пошли радисты М.Кулик и Л.Викторов.” "... 19.02.45. Ура!! Партизаны соединились с войсками Красной армии!” Две короткие, лаконичные записи в потертом блокноте. А между ними целая вечность, напряженные, связанные со смертельной опасностью шесть дней. А дело было так. В конце января 1945 года обстановка в Словакии резко осложнилась. После совместных боев Красной армии и словацких партизан был освобожден город Брездно. От него до Ломнистой долины, где находился штаб Асмолова и радиоузел, было не более двадцати километров. Наступление приостановилось. В начале февраля из штаба поступил приказ о необходимости готовиться к соединению партизанских отрядов с частями Красной армии. Аколовский подозвал Леню и сообщил, что для него есть очень ответственное задание. Пошли к Асмолову. Тот был краток: “Леонид, с Максимом Куликом возьмешь рацию, шифры, донесения. Перейдете линию фронта в районе Святого Микулаша, соединитесь с нашими войсками 4-го Украинского фронта, свяжитесь с нами и обеспечите нам выход из тыла. Вопросы? Вопросов нет”.

С Аколовским договорились о волнах, времени, позывных, с Наташей и Максимом проверили свой “Северок”, питание, оружие. В ночь с 13 на 14 февраля, тепло простившись с друзьями, группа из четырех человек бесшумно и быстро пошла через горы на восток, к фронту. Проводник-словак вел группу по заранее разработанному маршруту. К рассвету вышли на бывшую базу партизан 1-й интернациональной бригады им. генерала Штефаника. Разложили небольшой костер, позавтракали и снова в путь. Он был нелегким. Шли лесами, с подъемами и спусками, иногда по пояс в снегу. Вот уже слышна артиллерийская канонада. Фронт близко. При переходе через небольшой горный ручей Леня поскользнулся, лед треснул и он по пояс провалился в ледяную воду. Максим помог ему выбраться из ручья. Сушить одежду негде и некогда. Она быстро леденела, а впереди большой подъем, за ним спуск. Только быстрое движение могло спасти от беды. Вот внизу мелькнул огонек. Видимо, землянка. Но чья? Притаились. Осторожно подобрались со стороны спуска. Вдруг в сторону ребят ударила пулеметная очередь. Все замерли. Похоже на тяжелый немецкий пулемет. Куда усталость делась! По своим же следам мигом взобрались на вершину. Отдышались, передохнули. И опять вниз, но уже через другой горный отрог. Пот заливал глаза, Леня не чувствовал ног. Вдруг впереди он увидел цепь солдат в маскхалатах. Видимо, солдаты их заметили, залегли. Поползли в сторону партизан. Отступать некуда, да и сил уже нет. Леня приказал товарищам занять круговую оборону. Как глупо пройти всю войну, оставаться живым и перед самой победой погибнуть. Но погибать не страшно, страшно не выполнить приказ. В тылу остались товарищи, командиры, они так верили в ребят!

В руках у Лени не ключ от рации, а автомат и две гранаты. “Без команды не стрелять!” А цепь все ближе. Расстояние сокращается с каждой секундой. В последний миг Максим Кулик приподнялся и закричал: “Братцы! Ведь это наши!” И прихрамывая побежал. Это оказалась армейская разведка. Крепкие объятия, слезы радости. Леня хотел приподняться, но не смог, ноги не держат. Разведчики

У всего есть границы,
и у жизни свой срок.
Если я не приду, значит
просто не смог.
Но для памяти нет ни границ,
ни заслона,
И придет правнук мой или
твой для поклона.

Каждый май на Поклонную гору придет
И подросшего сына с собой приведет,
О потерях расскажет и о светлой поре,
Постоят, помолчат на Поклонной горе.

ЮНЫЕ БОРЦЫ С НАЦИЗМОМ

соорудили из плащ-палатки ложе и понесли его, как младенца. Линию фронта пересекли благополучно и через несколько часов прибыли в штаб 4-го Украинского фронта. Ребят проверили, и Леня передал пакет по назначению. Ему оказали медицинскую помощь. Утром он попросил перетащить его в помещение радиоузла, чтобы передать Асмолову радиограмму.

- Ведь у Вас же сильно обморожены ноги
- Дайте костили. Я доползу до машины.

Леня настроил передатчик, принял радиограмму из Киева. Затем связался с Аколовским, Наташой. Передал и принял от них радиограммы.

А 19 февраля 1945 года из Ломнистой долины к линии фронта вышел Главный штаб партизанского движения Чехословакии.

Отшумели военные грозы. Много друзей осталось в Словакии у Леонида Викторова. Они и сегодня помнят одного из миллионов комсомольцев, которые помогали им победить фашистов. А в доме Викторовых встретились отец и сын, два поколения комсомольцев. Они часто выступали перед молодежью с беседами о войне, о патриотизме и мужестве, о верности родине. Оба участвовали в организации музея комсомольской славы. “Это есть жизнь”, - до-

вольно говорил старший - Семен Викторов. Младший, Леонид Викторов, стал инженером, работал в Днепропетровском филиале Луганского научно-исследовательского института черной металлургии.

Он участвовал во всех встречах, организованных Советом ветеранов партизан - радиостанций, проведенных в Москве, Харькове, Ворошиловграде, Туапсе, Слониме, Саратове, Киеве. За доблесть и отвагу Леонид Семенович Викторов был награжден орденом Отечественной войны, орденом Красной Звезды, медалью “Партизану Отечественной войны”, высшей наградой Чехословакии, другими медалями и памятными знаками России, Украины, Чехословакии, Израиля.

Незабываемым событием тех грозных лет, мужеству и патриотизму бойцов невидимого фронта, товарищам по оружию, павшим и живым Леонид Викторов посвятил стихи. Пусть они не во всем верны правилам стихосложения, но написаны они светлой душой и памятью большого Человеческого сердца.

Леонид вырастил двух сыновей. Радуется, что жизнь у них спокойная и счастливая. Иногда достает из архива интересные документы, фотографии. Вот отец, бывший военачальник, у стены рейхстага, вот они вместе при наградах.

Бывший юный фронтовик, старший радиостанция Леонид Викторов жил в Израиле, в г. Бат-Яме.

Юные борцы с нацизмом города Бат-Ям – участники парада Победы в Иерусалиме, 2008 год. В центре Макс Привлер и Леонид Викторов.

Партизан Роман Плакса

Макс ПРИВЛЕР, Анна КРЕМЯНСКАЯ

Родился в 1926 году в деревне Селиба в Белоруссии. Половина ее жителей были евреи, половина - белорусы.

Оккупация деревни немецкими захватчиками началась на двенадцатый день войны. Машина варварского геноцида евреев сразу заработала в полную мощь; немцы издевались над людьми, а потом зверски их расстреливали. В ноябре 41-го года Роман со старшим братом бежали из гетто. Роману было 15 лет, Айзеку - 16. Опасными и неимоверно долгими стали поиски легендарных партизан. Десятки раз задерживали их полицией. Без документов и теплой одежды, страдая от морозов и голода, в постоянном нервном напряжении ребята искали заветные партизанские тропы. Только в июне 1942 года им удалось переправиться через реку Сейм в Курской области, усиленно охраняемую немцами. Наконец они нашли партизан и, к неописуемой радости, были приняты в отряд. Это произошло в Сумской области. А впереди было еще три года войны.

О том, как воевал Роман Плакса, лаконично рассказывает характеристика, выданная начальником штаба 3-го стрелкового батальона, старшим лейтенантом Чистюхиным.

ХАРАКТЕРИСТИКА

На сержанта 3-го стрелкового батальона, 2-го стрелкового полка, 1-й украинской партизанской дивизии имени дважды Героя Советского Союза генерал-майора С.А. Ковпака Плаксу Романа Лазаревича, 1926 года рождения, еврея, члена ВЛКСМ, образование - 8 классов.

Место жительства: Могилевская обл., Березинский р-н, с. Селиба.

В дивизии с 15 июня 1942 года по 10 ноября 1944 года.

Боец-пулеметчик, участник многих рейдов, в том числе: карпатского, варшавского и прифронтового.

За время нахождения в дивизии т. Плакса показал себя смелым, решительным и отважным бойцом.

Тов. Плакса Р.Л. верный сын Социалистической Родины, предан делу партии Ленина-Сталина и беспощаден в борьбе с немецкими захватчиками. За проявленное мужество, геройизм и отвагу в борьбе с немецкими оккупантами тов. Плакса награжден орденом Отечественной войны II ст., медалью "За Отвагу" и медалью "Партизану Отечественной войны - II степени".

Ст. лейтенант ЧИСТЮХИН, нач. штаба 3-го стр. б-на

С 1990 года бывший ковпаковец Роман Плакса живет в Израиле.

Здесь он встретился со многими боевыми друзьями, стал секретарем созданного Совета партизан -ковпаковцев.

Выяснилось, что более двухсот евреев воевали в соединении Ковпака. Целый отряд ковпаковцев в Израиле - это наша гордость. Им наша глубокая благодарность и наша вечная память.

Полковник Роман Лазаревич Плакса в Израиле

ПАМЯТЬ

Наша семья

Мария Гуральник

«Самое глубокое, самое искренне желание – это желание быть кому-нибудь близким». Пауло Коэльо

Гуральник Мария и брат Миша

Михаил Гуральник

Прощайте мирные долины,
Родная мать, родной отец,
И ты, мой город Староконстантинов,
В котором много пламенных сердец.

Я не поэт и не певец,
Но жизнь сама зовёт,
Тому, кто, как родной отец,
К победе нас ведёт.

И если гром военных шквалов
Затронет наши города.
Я, как герой Валерий Чкалов,
Смело пойду громить врага.

В 1941 году мой любимый братик Миша закончил школу. На выпускной вечер у него не было одежды. И вдруг о нас вспомнил папин брат Шулым, который жил в Славуте. Когда папу забрали, он с нами прекратил связь, боялся за свою жизнь.

Шулым пригласил Мишу на каникулы, дал ему свою старую одежду. И мама пересела Мише на выпускной вечер костюм. Он впервые одел галстук. Ему галстук очень подходил. Такой симпатичный юноша получился, что я не могла оторвать глаз. Миша был первым учеником в школе. По окончании учёбы получил похвальную грамоту (медали тогда не давали). Им все восхищались. Худой, стройный мальчик, не по годам серьёзный, со светлыми волосами и карими глазами. Мама не могла налюбоваться им. Миша был для мамы наградой за все перенесённые муки и страдания.

В честь окончания школы Миша сочинил стихи, созвучные той напряжённой обстановке, которая уже витала в воздухе. В моей памяти сохранилось очень мало строк.

22 июня 1941 года у брата должен был быть выпускной вечер. В 12 часов мама впервые, с тех пор, как папу забрали, взяла в руки утюг, чтобы погладить нарядное платье. Ведь она собиралась на выпускной вечер к своему любимому сыночку. И даже это счастье ей не пришлось испытать. Душераздирающий голос Левитана горестной волной вырвался из громкоговорителя, сообщая о начале войны. Страх охватил нас. Но на вечер всё-таки пошли. Мама меня взяла с собой, хотя было не до веселья. Вокруг грустные лица, не находилось слов, чтобы передать страшные предчувствия, охватившие всех. Боль души разрасталась. В молчании, нам выдали аттестаты, и с поникшими лицами все разошлись. Музыканты сидели неподвижно. На столах лежали металлические листы с заварными пирожными, стояли бочки с мороженым. Никто ни к чему не прикоснулся. Горло душили спазмы, в глазах застыли слёзы. Молчаливо стояли директор школы Диклер на протезе и наши учителя. (В молодые годы директор нашей школы Диклер в Киеве попал под трамвай и потерял ногу.)

В эти первые дни войны Миша ходил копать окопы. Приходил уставший, но получал моральное удовлетворение, что уже вносит свой вклад в борьбу с фашистами. Незабываемая картина стоит у меня перед глазами. Последняя встреча с лучшими друзьями и прощание навсегда...

Мимо нашего города пешком проходили поляки с вещмешками на спине, в клетчатых костюмах. Это были первые беженцы. Становилось страшно при виде их. Но хотелось верить, что это и нас коснётся.

Мужа маминой единственной сестры, дядю Моисея, забрали на фронт в первые дни войны. Только он о нас и заботился. Без него мы совсем осиротели. Глаза этого необыкновенного человека всегда излучали добро, отдавать которое людям было целью его жизни.

Небо всё чаще вздрагивало от гула самолётов и бомбёжек. Мы жили в оцепенении и страхе. Немцы приближались. Тёте, как жене военнослужащего, предложили эвакуироваться через военкомат. Но нас взять отказались. Ведь для чиновников жизнь человека ничего не стоила. И тётя тоже осталась с нами. Как она могла пойти на такой риск? Ведь могла погибнуть с детьми, как все наши...

Какие были тогда дружные люди! Война их ещё больше сплотила. Шли друг другу навстречу, помогали, чем могли.

Дядя работал в детском доме по совместительству. Когда его забрали на фронт, тёте сразу же предложили работать в детском доме воспитательницей. Когда детдом эвакуировали, ей разрешили взять нас с собой. Уж к ним мы точно не имели никакого отношения. Наверное, Бог решил, что с нас достаточно горя: чаша переполнена. И подарил нам жизнь.

Мы ехали в теплушках, в которых раньше перевозили скот. На станциях нам заносили бидон с супом, для детей, разумеется. Пусть одна галушка не догоняла другую, но всё же, это была еда. И, при этом, ещё кусок хлеба! Надо отдать должное, что в такое тяжёлое время, когда всё вокруг бушевала и царила полная неразбериха, о детях не забывали. Мы ехали целый месяц. Поезд сонно крутил колесами, подолгу стояли на станциях. Сидели в открытых дверях теплушек, свесив ноги, и смотрели вдаль. Казалось, что вокруг свирепствует страшный торнадо. Железным каскадом стремительно нёсся с неба на землю ураган смерти. Спрятаться было невозможно. Когда удавалось поднять голову, то через гребни уцелевших деревьев были видны только летящие вниз бомбы.

И, наконец-то, нас привезли в Стalingрадскую область, в село Серебряные пруды. «Серебряными» были только морозы. В сорока километрах от районного центра – Фролово. Мы сидели на своих небогатых котомках и плакали: хотели домой. В этом селе были летние строения, типа дома отдыха. Там отдыхали какие-то подростки, иностранцы, не помню, из какой страны.

Запомнила такой случай: начался сильный ураганный дождь, и двух парней ударила молния. Они потеряли сознание, изо рта шла пена. Применили народные средства: выкопали канаву, засыпали парней землёй, и они выжили. Всех иностранцев куда-то вывезли и разместили в этих зданиях детдомовских детей.

Тётя работала воспитательницей, а маму взяли на кухню. При сложившейся ситуации, это было совсем неплохо. Но не было школы, за которой мы очень скучали. Миша поехал в город, хотел ещё куда-то поступить учиться. Но уже такое творилось, что он еле добрался обратно.

Недолго длилось наше благополучие, пришли холода. Помещения не отапливались. Детей куда-то вывезли, а нас оставили в селе, как лишний элемент. Мы, неизвестно настрадались зимой: стояли очень сильные морозы. Температура доходила до 40 градусов мороза, а одеть было нечего. Тётя устроилась работать на ферму. Тётушка наша, до предела брезгливая, вывозила навоз на салазках, запряжённых одной лошадью, которую звали Битючка. Какая борьба за выживание, ведь она близко никогда не стояла возле лошади! Тётушка очень привязалась и полюбила лошадку по имени Битючка, которая заняла часть тётиной жизни. Она говорила о лошади, как о добром человеке. Доверяла ей в свои бессонные ночи боль о голодных детях, переживания о муже, который был на передовой. А покорная и послушная лошадка обогревала её своим дыханием и смотрела добрыми понимающими глазами. Тётя ездила в другие сёла и выменивала последние тряпки на рожь и пшеницу, но смолоть её было негде. Мы распаривали рожь, перекручивали на мясорубке и пекли лепёшки без соды и соли. Они были совершенно несъедобные. Пшеничные были лучше. Но они предназначались для тётиных детей. Их папа воевал на фронте и посыпал аттестат. Когда я выпрашивала у сестрёнки Симы кусочек пшеничной лепёшки, тётя категорически запрещала ей меня кормить. И она была права. Они с дядей отдали нам много душевных сил, чтобы вытащить нас на жизненную тропу.

Тётя – героическая женщина. В тяжёлые военные дни, с двумя маленькими детьми, она не побоялась взвалить на свои хрупкие плечи несчастную семью – маму с тремя детьми, без средств к существованию. Это равноценно подвигу, на который не каждый бы решился. Благодаря тёте мы остались живы. Этот поступок никогда не забыть – достойный пример нам и подрастающему поколению. Не перечесть всего, что тётя с дядей сделали для нас. Вспоминая сейчас всё это, я задаю себе вопрос: смогла бы я совершить такое? И должна признаться, я бы не справилась с такой ответственностью. В Серебряных прудах мы промучились два года. Летом я ходила в поле работать. Три километра туда и обратно. И в поле целый

Михаил Гуральник

Обнявшись в хмельном оцепенении

Ушастые, стриженные, бледные,

С едва пробившимся пушком на лицах

Начинался их путь с автоматом в руке.

Мама не звала, не просила,

Не пытала никакой надежды,

Лишь смотрела, как пятась, они уходили,

Стояла в слезах на земле безбрежной.»

Дети войны

Мария Гуральник

Дождливая военная осень,
Грезится запах свежего хлеба,
В глазах пелены белая проседь,
Тучами кружится хмурое небо.

У пекарни припорошена мука,
Пылинки разносит ветром,
Они летят мимо рта,
Падая на мокрую землю.

Белый волшебник, детей пожалей
Помоги им выжить, голодным,
Стряхни со стола горсть отрубей,
Чтоб вкус военного хлеба запомнил!»

день. Откуда брались силы в хрупком измощдённом теле, я понять не могу. За работу в поле нам там же выдавали один килограмм чёрного, горячего, очень липкого хлеба. Есть хотелось страшно. Пока я добиралась домой по нескончаемой дороге, я отламывала маленькие кусочки хлеба и, почти не жуя, как утка, проглатывала тёплые липкие комочки. Много надо было приложить усилий, чтобы удержаться и принести маме хоть маленький кусочек хлеба. Он таял в руках, как снежный ком. Оставалось только сожаление, что его уже нет, и что завтра будет ещё хлеб, заработанный трудом истощённого детского организма.

С братом Мишой там произошло происшествие. Он на лошадях ехал вечером из какой-то деревни, и на него напала стая голодных волков. Ситуация была сложная. Благодаря его спокойствию и трезвости ума, он не растерялся, сумел разжечь костёр и, в конце концов, еле унёс ноги. Когда он это рассказывал, было так страшно, даже дыхание захватывало. Мамочка очень переживала за своего любимого сыночка, единственную её надежду.

Немцы подходили к Сталинграду. Мишу забрали «на окопы» под город Калач. Стояли сорокоградусные морозы, одеть было нечего. Какие только нашлись тряпки, всё на него намотали. Он выглядел словно кочан капусты. Мама так плакала и переживала, что невозможно было это всё перенести. Она ходила к гадалке, которая ей нагадала, что Миша вернётся живой. Действительно, брат вернулся, худой, измощдённый, с поломанной рукой, но это было счастьем. А произошло вот что: на станции Арчеда, Сталинградской области, был перекидной мост через железнодорожное полотно. Обезумевшая толпа людей во время воя сирен и бомбёжки ринулась с моста. И, как потоком воды, подмяла собой Мишу, который поднимался на мост, когда возвращался из г. Калач. Он отдался переломом руки.

Немцы наступали, и нам нужно было оттуда выбираться. Тётя с большим трудом выпросила в совхозе подводу. Станция Арчеда находилась за 40 километров от нашего совхоза. У тёти был адрес дядиной сестры Гени. Её мужа тоже забрали в 1937 году, а её ещё вдобавок выслали в Казахстанскую область. Два чудных мальчика воспитывались у родственников, в том числе у дяди с тётей воспитывался меньший – Нолик.

Мы сидели на вокзале и ждали поезда. Я вообще не представляла, как в такой сложной обстановке ещё можно было выехать. Сейчас бы просто подавили друг друга. Вдруг налетели 8 немецких самолётов и начали бомбить станцию. Там стоял эшелон с военным оборудованием. Что творилось, передать невозможно. Как в Бородинской битве: смешались в кучу кони, люди... Началась страшная паника. Милиция гнала людей в окопы. Местное население не пускало. Разбежались, кто куда. Всё полыхало и горело. Трижды самолёты возвращались. Бомбы падали непрерывно. Я оказалась одна в поле. Лежала, распластанная на земле, и с детским

любопытством, превозмогая страх, наблюдала, как падали градом бомбы, под жуткий гул самолётов, и вой сирен. Видела в самолётах их злобные лица в железных касках и фашистские кресты на крыльях железных машин.

Горели поезда и элеватор.

Валились раненые и мёртвые, целые и изуродованные. Ужас охватывал и сковывал тело. После бомбёжки мы сбирались вместе. К счастью, все остались живы. Наши котомки исчезли бесследно, и мы пешком двинулись в дорогу. Иногда нас подвозили военные на машинах. Они с большой жалостью смотрели на наши несчастные, измученные лица. Иногда давали кусочек сахара или седой сухарь. И, таким образом, мы добрались до города Камышин. Ночевали в лесу возле зенитчиков. Немецкие самолёты гудели, бесконечно объявляли тревогу, но с военными было как-то спокойнее. Мы прятались под военными машинами. Нам предстояло переправиться на пароме через Волгу. При каждой

Первые дни войны. Призыв на фронт

попытке налетали немецкие самолёты и кружили над нами, как вороньё. Боевая тревога каждый раз рвала душу. Из госпиталя выбегали раненые в подштанниках, на костылях, с забинтованными головами и загипсованными руками «на самолетах», самодельных подставках. Невозможно было смотреть на эту картину.

Рискуя быть убитыми или утопленными, мы всё же погрузились на паром. И переправились! Потом сели на поезд. Всем этим руководила тётушка.

Приехали мы на станцию Манкент, город Тюлькубас Южно-Казахстанской области. Нас поместили у казашки в сарае из самана (глины). До нас там жили ослики. Вместо постели на глиняный пол уложили камышовые маты. Помню, я просиживала ночами: боялась лечь, под матами всё время что-то шуршало. Нам выдали хлебные карточки. Но мы, ни одного раза их не отоварили, буквально погибали от голода. О нас вообще забыли.

Я познакомилась с одним эвакуированным мальчиком моего возраста по имени Володя. Фамилию не запомнила. И всю жизнь жалею, что не смогла его разыскать. Очень хотелось знать, как сложилась его жизнь. Володя был настоящий товарищ, но поблажек мне никаких не делал. У его матери было четверо детей, один ещё сидел у неё на руках. Их папа воевал на фронте. При знакомстве Володя мне рассказал, что он вначале не мог понять, мальчик я или девочка. Вроде бы в платье, но совсем без волос. Мыла не было, и косички пришлось состричь. Те, у кого были волосы, постоянно вынуждены были искать друг у друга вшей. Это так вошло в жизнь, что даже никого не смущало. Мы с Володей очень подружились и были на равных, как два друга.

На железнодорожной станции вычищались паровозы. Мы ходили с кочерёжками, перерывали кучи перегара, выбирали несгоревший уголь. Когда мы находили кусочек перегара, он зажигался огнём в наших глазах. Иногда, когда появлялись пульмановские вагоны с углём, кто-нибудь из нас поднимался на ступеньки и сбрасывал куски угля. Другой стоял на стрёме, чтобы вовремя подать сигнал. Делали мы это честно, по очереди. Уголь собирали в мешки, относили в посадку и там делили поровну. Сколько в мешке было угля – не знаю. Но я несла... Борьба за выживание!

Железнодорожники ни разу нас не застали за этим неблаговидным занятием.

Второе занятие, самое важное, – на станции выдёргивать сахарную свёклу из кагатов. Она в Казахстане крупная, сладкая, белая. Несомненно, она спасла нам жизнь. Если бы не свёкла, мы бы погибли от голода. Мы из неё делали всё. Варили борщи, тушили, пекли и парили. Делали конфеты – тянучки. Хозяйка, казашка, за большое количество свекловичной шелухи давала нам раз в неделю стакан молока. И мы по капле добавляли его в свекловичный чай. Для нас это был верх блаженства. Настоящее кофе.

Один раз меня задержал милиционер с пустым мешком. Я страшно испугалась. Он меня обо всём расспрашивал и велел прийти маме, но даже не спросил адреса. Я удивилась его наивности. И маму, конечно, не послала. Уже позже, анализируя его поступок, я поняла, что он прекрасно понимал, какие обстоятельства гонят нас на такие дела. Он просто по-человечески не смог нас лишить единственного источника существования.

Моя мама заболела воспалением лёгких. Её тошнило, и она категорически отказывалась от сладких свекольных блюд. Медикаментов – никаких. У нас была купюра в 30 рублей. Я пошла на рынок. Увидела массу необыкновенных фруктов и овощей, и желудок у меня свело судорогой. До чего красивы краснощёкие яблоки «апорт»! Полукилограммовые груши! Ветки янтарного винограда – белого и синего! Дыни и арбузы огромных размеров! Эту сладкую сказку не описать... Но всё это было для нас недоступно, потому что стоило баснословных денег.

(Продолжение в следующем номере журнала)

ДУША ЗОВЕТ
Игорь Гаушпигель

Не думал о душе,
не говорил,
отмалчивался,
глядя в поднебесье,
не каялся,
прощенья не просил,
лишь на Земле
искал я равновесье.

На помощь ангела-
хранителя не звал.
Про ад и рай с
собою сам не спорил,
И, если от сомнений уставал,
лишь твердь земная
мне была опорой.

Корнями связан я навеки с ней.
Держалась святость
под замком запрета,
но просыпается
она во мне сильней.
Наверно, это добрая примета.

С годами озарение придет,
загадывать
поспешно не решаюсь.
Душа куда-то, чувствуя, зовет,
но я пока о землю опираюсь.

С нами навсегда

Ольга Цокота

Сколько себя помню, мне не хватало дедушек и дядей. Они остались там за далекой чертой, перечеркнувшей жизнь целого поколения. Потому что у нас в семье, как и во многих других советских семьях, время разделяли на «ДО» и «ПОСЛЕ», а посредине была ВОЙНА.

Конечно, были и другие войны, были революции. Всё вспоминалось близкими, и всё глубоко засело в моем детском сознании. Фотография папиного отца - дедушки Егора - относилась к Первой Мировой. В Гражданскую войну погиб первый муж отцовской матери, бабушки Ольги. Дедушка Гриша со стороны моей мамы получил на этой же

Гражданской тяжелую контузию. Но самая страшная Война унесла самых молодых и дорогих мне людей: двух моих дядей - папиного брата - дядю Мишу и маминого - дядю Йосю.

Зелеными вёснами в белом кипении вишневых цветов, томными летними днями или славными золотыми оконцами в череде осенних дождей мы, резвое докомпьютерное поколение казаками-разбойниками носились по двору. Но мне случалось остановиться и застыть посредине игры, как вдруг в каком-то случайно зашедшем в ворота незнакомце виделся чудом уцелевший, наконец разыскавший нас дядя. Однако время шло, а наши родные солдаты так и не возвращались. Они по-прежнему серьезно смотрели с маленьких черно-белых, чуть порыжевших от времени фотографий. На одном фото у дяди Миши на голове красовалась буденовка, остроконечный крылатый шлем со звездой. Он так и не успел сменить его на пилотку, погиб на границе в самом начале фашистского наступления.

Фуражка только подчеркивала юность чернобрового дяди Йоси, который в свои семнадцать, в сорок втором призвался добровольцем. Через два года окончил офицерское училище и сразу же погиб в боях за Польшу.

И все же они всегда были рядом. Как-то нет-нет и приходилось к слову: «Клубника...». В эвакуации, когда еды почти не было, дали Йосиньке на заводе в пайке три клубнички. Не съел. Принес младшей сестрёнке. Сказал: «Вон, какая худенькая!».

Соня слыла певуньей. Да только больше не пела. Не могла петь, когда не стало сына.

А молчаливая бабушка Оля иногда тяжко вздыхала: «Хотел Мишко жениться. Не пустила, думала рано, только ведь техникум учительский закончил. Зря не позволила. Может, был бы от него хоть внучок!»

Годы шли. И вот уже я сравнялась с девятнадцатилетним Йосеем, а там и до дяди Миши доросла. Ему было двадцать один. И уже други-

Дедушка
Егор Васильевич Цокота

Дядя Миша Живолуп.
Погиб в первые дни войны

Дядя Иосиф Кайзин
1943 год

ми глазами смотрела в их открытые лица. Мои дяди – мои сверстники! Удивительно! Наверное, им так же, как и мне мечтось и также хотелось любить! Не успели!..

...Когда под горячим израильским небом мои сыновья один за другим надели военную форму, сжалось сердце. Вот уже и они догоняют и обгоняют по возрасту этих мальчиков на фотографиях в черных рамках. Мальчиков, которым так и не случилось стать ни отцами, ни дедами. Боже мой, какими же юными они были, совсем еще дети! Опять по-иному смотрела я на своих сыновей - ровесников моих родных мальчуганов Миши и Иоси.

... В дни поминовения мы не идем на кладбище. Лишь буйный ветер ведает, где могилы наших родных! Где-то в Сибири похоронен мой раскулаченный дед Егор. В далеком Карл-Маркс-Штадте (что за имя носит сегодня этот город?) покоится мой дедушка Гриша. На санях вез лекарства для фронта. Лед проломился. Он упал в прорубь. Его вытащили из полыни. Не сумели вылечить от крупозного воспаления легких. Инвалид Гражданской не пережил Отечественную. Мои украинская и еврейская бабушки лежат рядом на Херсонском кладбище. А где сложили косточки мои юные дяди Миша и Иосиф не знает никто.

Мы зажигаем в память наших родных свечи. Но еще более ясный и яркий огонь памяти пылает в наших сердцах! Мы помним вас всех, даже тех, кого не привелось увидеть. Память души не дает вам, дорогие мои, раствориться во тьме и забвении! Вы с нами, родные! С нами навсегда!..

Бабушка Софья Иосифовна и дедушка Григорий Ильич Кайзины

Мои родители: Зина Григорьевна и Павел Егорович Цокота

Я с братом Гришой и бабушкой Олей. 1962 год

Тюремная прогулка -1 Йозеф Чапек

Вот сад наш тюремный -
взгляни:
прямоугольник двора,
квадрат железных ворот,
холодная каменная дыра,
а где-то над нами, вдали,
небосвод.
Вот сад наш тюремный
-взгляни:
стена да колючки кругом,
команды - собачьему лаю
сродни...
понурой цепочкой по кругу
бредем -
Как наши дни...

(перевод В. Каменской).

Ужасы концлагеря

Хайм Курицкий

Продолжение (Начало в № 6)

Часть пятая

Рига: концентрационный лагерь Кайзервалд и рабочий лагерь Спилве

Мы, около 300 евреев, оставшихся в живых после всех пережитых ужасов, прибыли на станцию Шкиротава в окрестностях Риги 30 октября 1943 года.

Ехали мы из Двинска целую ночь, без еды, питья и остановок для отправления естественных надобностей, спали на жестком полу вагонов. Нас сопровождали вооруженные конвоиры, немцы и латыши. Теперь по их приказу мы поспешили покинуть вагоны и, наконец, вздохнули полной грудью. Нас оставили в покое на несколько часов, позволив прогуляться. Естественно, каждый стал искать своих среди приехавших. Счастье улыбнулось мне: я вдруг нашел своего самого близкого в тот период друга, Баруха Квиля из Краславы.

Тогда же мы узнали, что в ту ночь, 29 октября, в ходе поисков разбежавшихся евреев, охранники застрелили учителя музыки из Литовского города Паневежиса Давида Векслера и часовщика Симановича из Двинска. Несколько евреев в отчаянии наложили на себя руки: Моше Текер отравился, Апешкин повесился, Авраам Орловик из литовского города Купишкис сломал себе ноги, прыгнув с верхнего этажа, Бенцион Кац застрелил из пистолета собственную мать, Бенцион Шефер собственоручно застрелил жену и сына. Кто-то из наших выпрыгнул в окно вагона во время перевозки, а еще один принял яд.

На грузовиках нас привезли в гетто Риги, которое уже было пустым: всех его узников уничтожили. Здесь снова переписали наши фамилии, после чего перевезли в большой концлагерь Кайзервалд, подведомственный СС. Начальником его был оберштурмбанфюрер Краузе. Кроме СС-администрации, на территории лагеря функционировали вспомогательные службы, в которых были заняты уголовники, представители различных национальностей, в подавляющем большинстве, поляки.

Нас снова пересчитали, отделили мужчин от женщин и детей. (Дети чудом остались в живых и добрались до Кайзервалда). Мужчин загнали в импровизированную баню, где заставили мыться очень быстро под холодной водой без мыла. Затем, выдали другую одежду, только обувь разрешили оставить нашу прежнюю. Каждый получил кусок белой ткани с номером, который нужно было прикрепить слева на одежде. После этого было объявлено, что с этого момента мы уже больше не принадлежим Вермахту (то есть немецкой армии), но только и исключительно СС. Мы также обязаны быть послушными и неукоснительно соблюдать все приказы и распоряжения.

Мы и простояли весь этот день на улице, страдая от голода и холода. Спасибо еще, что хоть не было дождя. С наступлением темноты каждому выдали кусок хлеба и чуть-чуть маргарина. Затем нас затолкали в барак, где не было даже нар: этой ночью пришлось спать на голом и холодном полу. Рядом со мной оказался Шалом Ихилов, портной из Двинска, отец Шейнале, с которой я дружил почти два года. У Шалома, кроме неё, никого не осталось. Мы очень обрадовались этой встрече, которая нас немного вдохновила.

В шесть утра нас разбудил звук колокола. По этому сигналу нужно было очень быстро покинуть барак. Нас разделили на рабочие роты и отправили на различные места работы (все - внутри лагеря).

Ежедневно было два «аппеля» - поверок на плацу: около шести утра и около шести вечера. В течение дня никто не имел права находиться в бараке: ни больные, ни слабые. Только после вечерней поверки все вместе входили внутрь.

Рижские «старожилы» лагеря предупредили нас, что следует остерегаться офицеров СС и их помощников, чтобы не схлопотать от них «наказания» в виде побоев, а также проявлять максимум хитрости и изворотливости в повседневной жизни, чтобы уберечься от жестоких побоев, которые могут обрушиться на каждого в любой момент. Через неделю после прибытия в Кайзервалд, в воскресенье, 7 ноября, ранним утром нас перепугали, приказав быстро выйти на «смотр». Офицеры СС спрашивали каждого, кто он по специальности и сколько ему лет. По окончании проверки прибыли грузовики, на которых большинство евреев из Двинска было перевезено в разные рабочие лагеря Риги и окрестностей (Н.К.Р., Т.В.Л., DUNDAGEN, SPILVE). Та же участь постигла и часть женщин из Двинска.

Нам строго-настрого запретили разговаривать, поэтому я не знал, куда отправили моих товарищей. Позднее, случайно я узнал, что Барух Квиль со своей рабочей ротой попали в лагерь DUNDAGEN, где условия труда были самыми тяжелыми. Моше Ияров попал в рабочий лагерь в Эстонии на очень тяжелые принудительные работы.

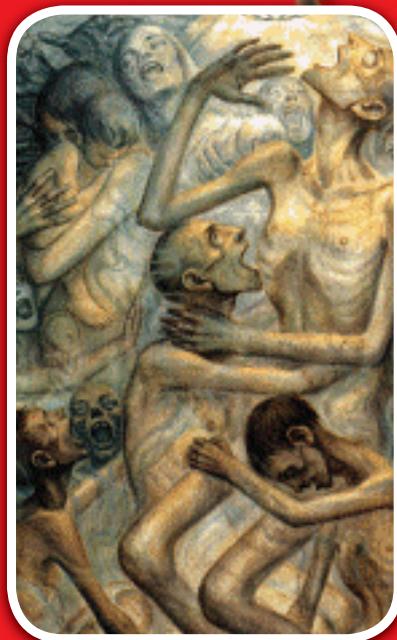
Я сказал, что мне 22 года и что я умею рисовать плакаты, поэтому попал в аэропорт «Спилве» в качестве специалиста по изготовлению плакатов.

Рабочий лагерь «Спилве»

Лагерь находился на территории бывшего пивзавода на улице Слакс в нескольких километрах от аэропорта Риги, на южном берегу Даугавы. В лагере было примерно 1000 евреев, мужчин и женщин, а также несколько детей. Среди узников были и супружеские пары. Большинство заключенных - из гетто Каунаса. До этого они работали в аэропорту Алексотас в пригороде Каунаса. Кроме того, в лагере находились евреи из Латвии, Германии, Чехии, Австрии, которые попали сюда после уничтожения обитателей Рижского гетто. Администрация Спилве была очень похожа на своих «коллег» из Кайзервалда: все - из СС, и все отличались особой жестокостью по отношению к евреям.

Офицерами СС командовал Густав Зорге, о котором ходила дурная слава во всех гетто и рабочих лагерях захваченной немцами Европы, так как отличался особо изощренным садизмом и жестокостью. За ним из лагеря в лагерь тянулась кличка «Железный Густав» («Дер Айзернер Густав»). Он был худощавым, высоким с длинным тонким носом, подвижными глазами и особой леденящей улыбкой, всегда игравшей на его тонких губах. Этот жестокий субъект имел привычку всегда лично принимать поверку, оба раза в день, будь то дождливые холодные дни поздней осени или жесткие морозы суворой зимы. Он всегда появлялся в черном длинном пальто, в блестящих черных сапогах, с бичом в руке, обращался к нам хриплым монотонным голосом и предупреждал, чтобы мы были абсолютно послушными и неукоснительно соблюдали все их приказы и распоряжения. Сам его вид и голос наводили на нас ужас и животный страх, но вместе с тем будили в нас чувство презрения и отвращения к нему. Для тех, кто осмеливался нарушить его железные садистские законы, Зорге изобретал разнообразные, буквально, сатанинские наказания. Я вспоминаю случай, когда один еврей, выходец из Германии, щуплый молодой парень в очках, не выполнил какого-то его указания. Зорге вывел его из строя, заставил встать на колени, поднять руки до плеч и так замереть. Не знаю, как долго бедняга так стоял, нас остальных отправили на работу. Во время построений и поверок двое евреев «ответственных» выполняли всю работу по подсчету заключенных, мужчин и женщин в отдельности, заботились о том, чтобы все были в наличии. Результаты передавались эсесовцам, которые присутствовали при процедуре.

Одним из этих двоих ответственных был Аба Цап, примерно 34-х лет, крепкого телосложения, в прошлом футболист, из литовского города Вилькомир. Второй, примерно того же возраста, еврей из Германии по имени Мецгер. Эти двое работали так постоянно, изо дня в день. Если случалось, что после возвращения с работы

День в гетто

Виктор Вазерсон
(Записки из Каунасского гетто)

Тонут, как песчинки, минуты,
Всё ближе к черте роковой,
Сжимается сердце как будто
Смириться не хочет с бедой.

Мне страшно! Меня угнетает
Забора колючего вид,
И страх, что над нами витает,
И меч, что над нами висит.

Окинешь окрестности взглядом,
Унынья кругом пелена.
И радость, вчера только бывшая рядом,
Сожрала злодейка—война,

Тут брат мой, ту тысяча братьев,
Отцов, матерей и сестёр, -
В холодного мрака объятья
Загнал их фашист-живодёр.

Истерзан душою и телом,
Запуган, унижен, забит
Народ мой, что славится смелым,
Под градом проклятий лежит.

«На жертвенном огне сгорим,
Но воля к жизни остается.»

кого-то не хватало, нас всех, несмотря на суровую зиму, держали на улице долгие часы до тех пор, пока не выяснялась причина отсутствия.

Нашим разводом на работу по утрам ведал еврей из Германии, Хекстер, обаятельный интеллигентный человек лет сорока, высокорослый в очках. Распределением одежды, обуви, пищи тоже ведал Цап. Он жил с женой, которая была ответственной за трудовую роту женщин, и двумя дочерьми 13-ти и 4-х лет в отдельной комнате. Условия у них были гораздо лучше, чем у нас. Их комната располагалась на втором этаже, рядом с помещением, где жил я с товарищами. Цап очень любил выпить. Некоторые евреи работали вне Спилве и могли доставать для него спиртное, за что получали «дополнительные права».

В лагере оставляли только тех евреев, которые работали для внутренних служб - «интендиенст»: на кухне, в столярке, в сапожной и в мастерской по ремонту одежды. Среди них был и молодой парикмахер из Каунаса. По приказу офицеров СС он выстригал посередине головы у каждого мужчины-еврея особую «дорожку», по которой в случае побега можно было легко отличать еврея из Спилве от других. Эту «дорожку» называли «лаузенштрассе» - «блошинная улица».

Волосы с голов еврейских женщин парикмахер просто сбивал наголо по приказу СС. Меня определили в трудроту, состоящую из рабочих 14-ти различных специальностей. Мы работали на территории аэропорта Риги для нужд немецких BBC. Наше рабочее место находилось в одном доме со столярами.

С мною вместе работал рижский еврей Майрен, единственный из всей семьи чудом уцелевший после всех акций уничтожения, 53-х лет (с его слов), выглядел он, минимум, на 70, всегда сгорбленный с трясущимися руками. Он был горьким пьяницей и без рюмки не мог даже начать работать. Но Майрен был плакатным художником «от Б-га», а немцы ценили профессионалов.

Командир нашей роты, поляк из Риги по фамилии Александрович, установил следующий порядок: если заказчик хотел, чтобы работа была выполнена «как положено», то должен был обеспечить Майрену периодическое подношение - стопку чистого неразведенного спирта, которую тот выпивал с величайшим наслаждением, запивая небольшим количеством воды, после чего его руки переставали дрожать, а выдающиеся способности пробуждались. С нами работал еще один еврей из Чехословакии, из города Падубица, по фамилии Трулер. Это был человек лет 50-ти, здоровый, крепкого телосложения, но хромой. Он стал инвалидом в результате ранения в Первую мировую войну. Трулер говорил с нами только по-немецки, так как не знал идиша. Это был хороший рисовальщик. Главным распорядителем работ был немец из Пруссии, инженер по фамилии Шмит.

В этом же одноэтажном деревянном здании работали несколько христиан из Риги, получавших зарплату, и несколько столяров-евреев из нашей роты (двою из Риги: Плоткин лет 60-ти и Левит лет 50-ти, а также Шейма Ломянский из Каунаса 53-х лет). В соседнем одноэтажном строении работали четверо слесарей из нашей роты: рижане Шапиро и Васерман, Моше Лапайкин и Малех из Каунаса. Все четверо - молодые люди около 30-ти лет. Кроме них там же находились Кречмер лет 60-ти из Риги, работавший стекольщиком, Проскауэр из Чехии - электрик, Вегенхейм лет 30-ти - сапожник и Шимон Каган лет около 60-ти, работавший жестянщиком. Наш начальник Шмит относился к нам хорошо и «зашщщал» нашу роту. Конвоир, солдат немецких BBC, сопровождавший нас на работу и обратно, тоже относился к нам хорошо.

Борьба с голodom

Порции еды, что нам выдавали, были мизерными, мы были на грани голода, как мы говорили: «Мало чтобы жить, много чтобы умереть». Все искали пути увеличить свой паёк. Каждый день в 12 часов дня нам привозили на работу котёл с бурой жидкостью, часто даже недостаточно теплой. Чтобы найти там горошину, крупу или кусочек картошки нужен был микроскоп. У многих из евреев, в основ

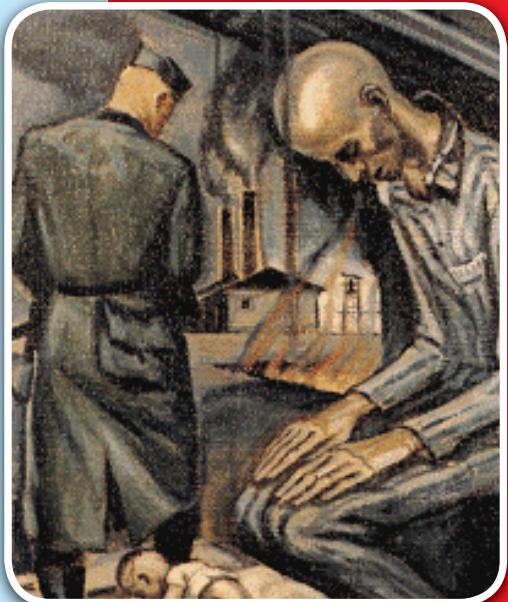
ном у женщин, не было определенной специальности. Они работали очень тяжело при любой погоде: рыли траншеи, перетаскивали стройматериалы, подносили бомбы к самолетам. Рабочий день в Спилве длился с 7-ми утра до 6-ти вечера, с коротким дневным перерывом, когда подвозили котел с «супом». В конце работы мы получали буханку хлеба на четверых и маленький кусочек маргарина (каждый). Утром и вечером мы получали кастрюлю с чуть сладким чаем или кофе. Не знаю, как у других, но в нашей комнате разделение хлеба и другой пищи было максимально справедливым. И вообще, мы тщательно следили за тем, чтобы сохранить человеческие, мирные взаимоотношения в этих нечеловеческих условиях. В доме, где я проживал, находились, в основном, все те, кто принадлежал к нашей трудовой роте. И мы жили, как одна большая дружная семья! Кровати-нары были деревянные двухэтажные, спали на соломенных матрацах, подушки - тоже из соломы, укрывались тонкими шерстяными одеялами. Дом не отапливался, холод был нестерпимым, несмотря на тесноту проживания.

Будущее было неясным, и я достал запасной рабочий комбинезон, на котором не было нашивки с моим личным номером 96086, спрятал его под матрацем. В случае чего, я смогу исчезнуть из лагеря в этом комбинезоне. Но где потом укрыться? Я еще должен был найти семью латышей или русских, которая со смертельным риском для себя согласилась бы прятать меня какое-то время. Это был отчаянно рискованный план с мизерными шансами на успех, так как местное христианское население в большинстве своем дружелюбностью не отличалось за очень редким исключением. Но другого выхода у меня не было, а надежда на освобождение была очень сильна: мы были в курсе, что фронт приближается. Голод был невыносимым. Мы вынуждены были бороться с ним постоянно, без малейшего перерыва. Сытые люди вызывали в нас огромную зависть.

К счастью, в каждом из нас росло и крепло странное чувство: чем больше СС с помощью своих садистских, сатанинских методов пыталось убить в нас все человеческое и все это потому только, что мы – евреи, тем сильнее мы жаждали освободиться, сбросить с себя все это!!! И все же, чтобы уцелеть, нужно было постоянно искать источники пополнения «rationa».

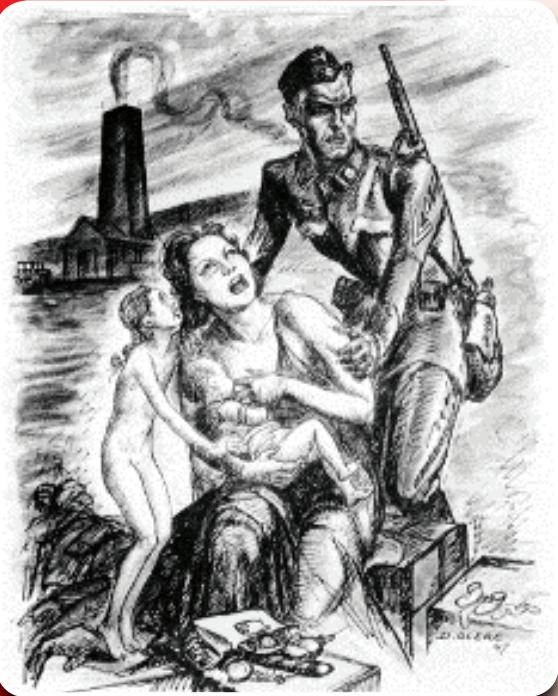
В столярной мастерской аэропорта, рядом с которой я работал, трудились столяры-христиане, которые согласны были доставлять нам продукты (яйца, хлеб, масло и др.), но лишь в обмен на ценные вещи: золотые монеты, кольца, часы и т.п. Разумеется, ничего такого у нас уже давно не было: все мало-мальски ценное уже давно отобрали. А посему с этими христианами ничего и не получалось. Мы продолжали жестоко голодать. Иногда удавалось вынести из рабочей комнаты бутылки с дорогим лаком и обменять их на еду у местных жителей. Я также рисовал с фотографий портреты для немецких солдат, за что получал хлеб, а это был солдатский хлеб совсем другого, великолепного для нас качества.

Метрах в двухстах от места, где я работал, стоял одноэтажный домик: кухня и столовая для немецких офицеров-служащих аэропорта. Ежедневно, с 13-ти до 14-ти к домику подъезжал русский паренек-извозчик лет 15-ти. В телеге у него находилась большая, грязная изнутри бочка, куда паренек собирал остатки еды из тарелок и чашек, скопившиеся за сутки; он забирал также сосуды с грязной водой, после мытья посуды. Все это предназначалось свиньям, которых выращивал немецкий военный начальник. Вот за этим «кладом» мы и охотились! Иногда мне удавалось даже приносить полную жестяную чашку этой «еды» тем, кто не имел возможности найти «дополнительное питание». Периодически подворачивались и другие возможности. Мы просто не могли оставаться равнодушными в таком бедственном положении и ничего не предпринимать. Особенно тяжело было переносить голод зимой, когда нужно еще больше калорий для обогрева.

убийцы и спасители

Гарри Фельдман

(Волнующее продолжение давней истории)

В моём родном, некогда достопримечательном древнем местечке Романов (в советские годы – Дзержинск), на Житомирщине (Украина) до войны проживало 3390 евреев, что составляло более 83% его населения. После неё от большой еврейской общины остались только добрая память да могилы: более 3-х тысяч её членов были зверски уничтожены фашистами и их верными прислужниками полицаями.

Проклятые головорезы не щадили никого: ни бывших соучеников и соседей, ни своих учителей, ни лечивших их врачей, ни только что родившихся младенцев и немощных стариков-инвалидов. Они вырывали из рук женщин младенцев, накалывали их на штыки, истекающих кровью и дико воющих от боли крутят перед глазами обезумевших от ужаса матерей и полуживых сбрасывали в ров. Детям постарше эти изверги прокалывали штыками с двух сторон животы и, раскачив, бросали в яму. Эти ужасные, стоящие в лужах крови могилы шевелились ещё более двух суток. Полицая-убийце ничего не стоило выволочь из колонны обречённых девочку-подростка, на виду родных и односельчан изнасиловать её и тут же хладнокровно пристрелить. На глазах моего бывшего соседа презренные кровопийцы уничтожили 36 человек из его родни, в том числе и его жену с 6-месячным сыном на руках.

Об этой кровавой бойне подробно рассказано в моей книге «Забвению не подлежит», изданной в 2000-м году Житомирским издательством «Полисся».

В вышедшей в 2003-м году в Житомире «Книге Скорби Украины» в списках зверски уничтоженных моих земляков упоминается и семья Шерман: отец Мехл Бурохович (фактически – Борухович), мать Фаина (возможно Фейгл) Янкелевна, дочери Гися и Рива (старшая из дочерей). Имя ещё одной дочери Ады (фактически Адели) было изъято из этого Мартиролога перед сдачей книги в печать, т.к. к тому времени стало известно о её чудесном спасении семьёй праведников.

Случилось это (если передать лишь саму суть) 22 июня 2001 года во время открытия памятника жертвам фашистского геноцида в лесопарке на окраине местечка Дзержинск наша землячка Фаина Ней

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Константин Симонов

Пожар стихал. Закат был сух.
Всю ночь, как будто так и надо,
Уже не поражая слух,
К нам долетала канонада.

И между сабель и сапог,
До стремени не доставая,
Внизу, как тихий василек,
Бродила девочка чужая.

Где дом ее, что стало с ней
В ту ночь пожара - мы не знали.
Перегибаясь к ней с коней,
К себе на седла поднимали.

ман рассказала, что, когда началось массовое уничтожение местного еврейского населения в жилище местной крестьянки ворвалась женщина с девочкой и младенцем на руках. Она бросила растерявшейся хозяйке крошку Адели, умоляя присмотреть за ней несколько часов, пока они с другой дочкой где-то укроются от облавы. Но им не суждено было вернуться. Они попали в гетто и были уничтожены, как и остальные члены их семьи.

Так еврейская девочка осталась у чужой женщины и её 15-летней дочки. Когда у них дома появлялся кто-то посторонний и интересовался этим ребёнком, мама разводила руками и начинала жаловаться на свою беспутную дочку, в юном возрасте нагулявшую ребёнка.

А та, потупивши взгляд, крепче прижимала подброшенного младенца к своей ещё детской груди и старалась подальше спрятаться от чужих глаз. Всё это выглядело настолько правдоподобно, что в эту легенду поверили не только родные и соседи (как потом оказалось, кое-кто из них знал правду), но даже полицаи и староста. Это дало возможность выжить Адели и её спасительницам, которым в случае разоблачения угрожала лютая смерть.

Рассказала Фаина и про то, что оставшись у этих милосердных людей и после войны, Аделя закончила сельскую школу. Дальше её след затерялся. Наша землячка просила присутствующих разыскать героиню своего рассказа и её спасительниц.

Найти во всём мире человека, зная только его имя и приблизительный возраст – дело безнадёжное. Но случилось невероятное! Через несколько дней после этого мне позвонила знакомая из Израиля и, между прочим, сообщила, что познакомилась там с нашей землячкой, которую во время оккупации спасла семья местных жителей в одном из наших сёл. На вопрос, как звать её новую знакомую, последовал ответ: Аделя.

Конечно, я не мог не связаться с Адели по телефону, и получил от неё данные про её спасительниц (во-первых - то, что они из Врублевки), узнал, как вообще сложилась жизнь еврейской девочки-сироты. Оказалось, что после окончания школы, а потом ФЗУ в Виннице Аделя работала швеёй, вышла замуж и выехала с мужем в Караганду. Когда у них там родилась дочка Неля, старшая из спасительниц - Юзефа Левчук покинула милую её сердцу Врублевку и отправилась в дальний путь, чтобы, как за родной правнучкой присматривать за младенцем. Почти пять лет она с теплотой и нежностью ухаживала за ребёнком, до тех пор, пока тяжело не заболела и не умерла там же.

Её дочь, Мария Паренюк, взявшая в 15 лет на себя роль мамы Аде

Я говорил ей: «Что с тобой?» -
И вместе с ней в седле качался.
Пожара от свет голубой
Навек в глазах её остался.

Она, как маленький зверек,
К косматой бурке прижалась,
И глаза синий уголек
Все дрогореть не мог, казалось.

Когда-нибудь в тиши ночной
С черемухой и майской дремой,
У женщины совсем чужой
И всем нам вовсе незнакомой,

Заметив грусть и забытье
Без всякой видимой причины,
Что с нею, спросит у неё
Чужой, не знавший нас, мужчина.

ли, продолжительное время, вплоть до выхода на пенсию, работала звеньевой в местном колхозе, была отмечена многими правительственные наградами, заслужила уважение односельчан, родила и воспитала четверых собственных детей. С Аделяй, которую она тоже считала своей дочкой, она долго поддерживала тесную связь. Но получилось так, что когда Аделя осталась вдовой, в семье возникли сложные проблемы, заставившие её переехать в Израиль, связь между этими близкими людьми на определённое время прервалась, однако она не могла не восстановиться снова.

А у нее сверкнет слеза,
И, вздрогнув, словно от удара,
Она поднимет вдруг глаза
С далеким отблеском пожара:

- Не знаю, милый. - А в глазах
Вновь полетят в дорожной пыли
Кавалеристы на конях,
Какими мы когда-то были.

Деревни будут догорать,
И кто-то под ночные трубы
Девчонку будет поднимать
В седло, накрывши буркой грубой.

1942г.

Теперь Аделя Клейман (девичья фамилия Шерман) проживает с детьми в городе Петах-Тикве в Израиле, (после Нели у неё родился сын Михаил). Она восстановила связь со своей спасительницей Марией, а после её смерти – с её детьми. Дочери Марии по приглашению Адели приезжали к ней в Израиль. При содействии Адели Марии Паренюк (ещё при её жизни) присвоено звание «Праведник Мира», а её матери, Юзефе Левчук, оно присвоено посмертно. Имена этих женщин из Врублевки выгравированы на стене в мемориальном комплексе Яд ва-Шем в Иерусалиме.

Накануне еврейского праздника Ханука, который обычно не обходится без чудес, случилось подобное и в семье Адели. Её сын случайно обнаружил на интернетсайте Яд ва-Шем («Листы свидетельских показаний») о трагической гибели семьи Шерман, в том числе и его матери – Адели.

В этом не было бы ничего удивительного, так как погибшими считались все члены их семьи, если бы эти показания не были бы подписаны... родной (старшей) сестрой Адели.

Так более, чем через 70 лет после ужасной трагедии Адель узнала о существовании своей сестры, которая по архивным данным так же считалась погибшей в Холокосте.

Надежда на их трогательную встречу минимальная, т.к. старшей из сестёр за 90 лет и вряд ли она ещё жива. В таком случае Аделя была бы счастлива, встретиться со своими родственниками, о существовании которых и не подозревала!

В этой истории имеется ещё одна загадка: посланное в 2000 году «Листы свидетельских показаний» сестра подписала Мищенко Нина Петровна (В Книге Скорби – Шерман Рива Михайловна Г.Ф.) и обратный адрес указан: Украина, 65000, г. Одесса, Главпочтамт, до востребования.

Хочется надеяться, что на эту публикацию откликнется кто-нибудь из родных Адели или хотя бы кто-нибудь из знакомых её сестры. Пожалуйста откликнитесь

Телефон и адрес Адели Клейман в редакции Журнала.

ПАПКЕ ДОРОГОМУ МОЕМУ

Софья Привлер

Большой, красивый на фоне света...
 С седыми проблесками голова.
 Милый и строгий папка,
 Как мы любим тебя.
 Что была жизнь твоя нелегка,
 С детства знала это я.
 Сколько жизней война унесла!
 Сколько смерть за тобой приходила!
 И ведь выжил ты! Это не зря,
 Жизнь-то твоя победила!
 Как все трудно порой вспоминать,
 Снова выплыли годы детства...
 Разве можно сейчас молчать?
 Разве можно им позволять,
 Чтоб мальчишки, чтоб наши мальчишки,
 Снова так же шли умирать?
 Вспомните, люди, Освенцим и гетто,
 Вспомните злых, кровожадных собак,
 Чтобы не дать разгуляться опять
 Тем, кто хочет, чтоб стали опять
 Зубья войны города пожирать...
 Люди, опомнитесь! Люди, не поздно!
 Люди, преступно сегодня молчать!
 Надо мир спасти от пожара.
 Детям надо жить, не умирать!
 Сорок лет прошло... Но помнят...
 День начала страшного конца.
 Папа, тебе трудно приходилось.
 Но ведь ты выжил, папка, да?
 А тогда...
 Боль опять пронзила твое сердце:
 Вспомнил Полонины, речку, дом.
 Вспомнил мать, отца,
 Сестричку, братьев, деда.
 Закрутилось детство колесом...
 «Неужели было мое детство?
 Может, это враки, может, сон?
 Детство, голубое колесо...
 Прокатились две иль три слезинки
 По мужскому, твердому лицу.
 Не стыдись их, папка.
 Это ведь прощается отцу.
 Многое стирается годами,
 Но, отец, мы не забудем тех,
 Кто погиб Отчизну защищая,
 Кто погиб, оберегая всех!

1944 г. Юрко Яремчук (Макс Привлер) –
 армейский разведчик

30 лет Великой Победы 9 мая 1975 года.
 Макс Привлер выступает
 на Красной Площади.

Спасители и спасенные

Юрий Тейтельбаум

Эта история стала известна в результате работы в архивах и краеведческих музеях, встреч со старожилами кубанских станиц и представителями администрации разного уровня: краевой, районной и поселковых советов. Но первый импульс дало письмо учительницы-пенсионерки станицы Петропавловской Курганинского района Краснодарского края Любови Николаевны Бордуновой в Кубанскую редакцию газеты «Аргументы и Факты» 10 марта 2005 года (Здесь и далее курсив мой. Ю.Т.).

Из письма Л.Н.Бордуновой

«...Во время оккупации станицы Петропавловской фашистами на ее окраине, во дворе колхоза имени Сталина, было убито много еврейских семей. Евреев расстреливали на краю колодца и сталкивали вниз. Но одной девочке, Рахили Ниминской, удалось убежать. Спряталась она в ближайшем дворе, где жили с тремя сыновьями супруги Анна и Владимир Чикаловы... Они приютили девочку. Чтобы никто из соседей ее не увидел, вырыли под русской печью нечто, вроде убежища, где она пряталась до освобождения станицы в январе 1943 года...»

Дополним эту картину пересказом воспоминаний Любови Николаевны и многих других жителей станицы, с кем доводилось неоднократно беседовать...

В конце июня 1941 года, на одной из удобных полян, недалеко от церкви, в станице Петропавловской ставили и накрывали столы. Ждали беженцев-евреев из Белоруссии и Украины и других местностей страны. Тогда еще не знали страшного слова «геноцид», многое не знали... Станичники ждали людей, убегавших от войны...

Семьи беженцев уже были распределены по хатам. В дом к Бордуновым попала семья эвакуированных одесситов. Любовь Николаевна до сих пор помнит их по именам: тетя Роза - добрая, интеллигентная женщина, преподаватель консерватории, ее дочь Рахиль, которая учила Любу играть на гитаре, вторая дочь Броня, бабушка Мара. Дружная, спокойная семья, которой суждено было, поддерживая друг друга, встретить вместе свой последний час...

Беженцы обживались, начали работать в поле, в больнице, в мастерских... Но недолго длилась спокойная жизнь. В начале августа в станицу вошли немцы... Они были хозяевами, и в первый же день арестовали и расстреляли восемь станичников - коммунистов, комсомольцев и активистов-руководителей.

Станица замерла: «Кто следующий?» Следующими стали евреи... Однажды, в середине сентября до рассвета крытая машина с вооруженными немцами и полицаями (Многие станичники сразу пошли на службу к оккупантам, получили форму, нарукавные повязки, паек и оружие. «Кто был ничем», тот стал полицаем и вершителем судеб) стала поочередно подъезжать к домам в которых квартировали евреи. Нацисты и их прихвостни врывались в дома, побоями и руганью собирались с кроватей беженцев и, не дав одеться, заталкивали в машину и куда-то увозили.

Всех свозили в старый клуб, огороженный трехметровым забором из ключей проволоки, где не было ни воды, ни еды и никаких «удобств». До войны это было самое красивое и любимое место в станице. Никто и подумать не мог, что это расставание навсегда. Немцы говорили: «На уборку кукурузы». Арестовали также цыган и сектантов-«субботников-жидовствующих», но их вскоре отпустили.

Прошло двое суток. ДК был забит людьми. Никого не выпускали. Мама Любы Бордуновой собрала нехитрую снедь. И девчонки отправились к клубу, передать продукты тете Розе и ее семье. Но охранники, местные полицаи, с удовольствием забрав корзинки, пугнули девчат: «Тоже хотите сюда попасть?».

Их повели, повели людей самого разного возраста: стариков, детей, женщин, девушек. Они были виноваты лишь тем, что родились евреями, а другая нация поставила себя выше и передельывала мир под себя кровью и смертью.

Они шли и знали, что идут на смерть, что видят солнце в последний раз. Они знали это еще там, взаперти, в старом клубе, где их избивали и над ними глумились. Люди вдыхали кубанский воздух станицы, которая, пусть ненадолго, стала им домом. И это, наверное, их успокаивало.

ПРАВЕДНИКИ МИРА

Очевидцы помнят эту колонну, молча идущую к смерти. Из каждого двора смотрели вслед обреченным. Женщины и дети, утирая слезы и еще не понимая, что будет дальше с этими людьми, почему стариков ведут под руки, почему мать зажимает ребенку ротик, не давая плакать, почему отстающих жестоко подгояют прикладами? Через некоторое время недалеко от речки Синюхи, где была глубокая обжиговая яма заброшенного кирпичного завода, раздались выстрелы. Это убивали из автоматов и пистолетов пригнанных сюда беззащитных женщин, стариков и детей, а потом сталкивали их в яму, ставшую общей могилой. Сбрасывали мертвых и еще живых... И снова стреляли, и снова сбрасывали, сбрасывали, сбрасывали... Говорят, еще неделю слышались стоны, и дышала земля... В книгу истории станицы добавилась страница ужаса войны.

На окраине станицы у глубоких колодцев колхоза им. Сталина было еще одно расстрельное место. Там убитых и живых евреев бросали в эти три колодца...

...Уже в феврале или марта 1943 года, после освобождения от фашистов по решению администрации попытались погибших перезахоронить в братскую могилу недалеко и поставить памятник. Удалось извлечь только 335 трупов из примерно 2400. Остальные были почти разложены, и санэпидстанция запретила их трогать. На митинге была вся станица. Перед глазами открылась страшная картина: из наспех засыпанной ямы торчали кости рук и ног, детские черепа, клоки седых волос...

Станица испытала шок. Многие дети еще долго не смогут выходить на улицу и будут кричать по ночам, вспоминая этот ужас. А школа была без учеников целый месяц... Но временный памятник все же поставили, огородили и первое время за ним ухаживали дети и носили к нему цветы. А потом памятник разрушился, и сейчас место братской могилы можно определить приблизительно...

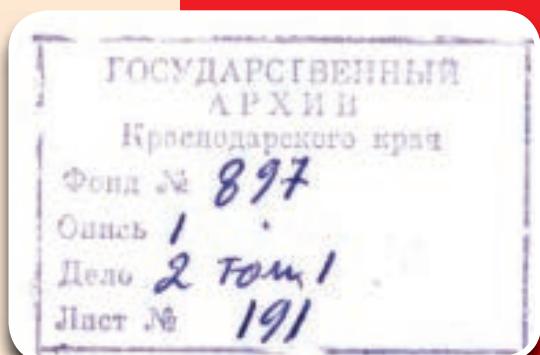
Л.Н.Бордунова и А.В.Чикалов на окраине ст. Петропавловской у братской могилы жертв расстрела. 2007 г.

Из протокола опроса свидетеля.

...Ниминская Раиса Семеновна 1926 г. рождения, уроженка Молдавской ССР гор. Рыница, русская, грамотная, живет в ст. Петропавловской Темиргоевского района (сейчас - Курганинский район), ул. Буденного, д.2.

«В июле месяце 1941 г. я, мать Роза Израилевна, брат Михаил 14 лет, сестра Ася 10 лет, брат Вова 10 лет и брат Борис 3 лет были эвакуированы из г. Рыбница в Краснодарский край. В момент оккупации ст. Петропавловской мы не успели эвакуироваться в советский тыл и вынуждены были остаться здесь. Отец по национальности русский, а мать была по национальности еврейка.

16 сентября по указанию немецкого командования местная полиция в числе других еврейских семей арестовала всю нашу семью, мы были доставлены в помещение полиции в ст. Петропавловскую по ул. Красная, № 9. В помещении нас держали в течение 3-х дней, а затем мою мать, братьев и сестру посадили на автомашину, повезли в колхоз имени Сталина, там их расстреляли и трупы бросили в колодец. Меня оставил Тарасенко А.С., причем, очень много просила гр-ка Фатеева местную полицию, чтобы меня оставили, т. к. «отец у меня русский, и я больше принадлежу к русской национальности». Полицейский Тарасенко «на свою ответственность» меня оставил, но он после этого зверски надо мной издевался... После этого он меня отпустил. Меня на воспитание взял житель станицы Петропавловской Чикалов, у которого я живу по сей день...»

Из рассказа Александра Владимировича Чикалова в июле 2007 г. на станичном кладбище у памятника на условной могиле расстрелянных родных Рахили Ниминской.

«...В то время мне было семь лет. События я хорошо помню, потому что Раи, так мы ее звали, долго жила с нами, пока за ней не приехала ее тетя из Ташкента. Она няничила моих меньших братьев и была нам сестрой... Мама помогла ей поступить в медучилище в Майкоп и передавала ей продукты. Тогда было голодно... Она и осталась бы нам сестрой, если бы не нашлись ее тетя и отец в 1944 году... Потом мама ездила к ним в Ташкент проводывать, и Раи приезжала к нам... До конца прошлого года мы переписывались с Раисой, вернее, перепиской занималась наша сноха Надя, жена нашего самого младшего брата Юры. Он родился позже, когда Раиса уже уехала. Она нам и деньги присыпала и посылки, не забывала нас, да только умерла Раи в конце прошлого года... Наши тоже поумирали, сначала отец, потом в 1991 году мама, потом Лена, а год назад и моя Надя...»

Когда полицаи отпустили Раису (она была светленькая и непохожая на еврейку), она была «не в себе»: над ней двое суток издевались полицаи - так она не знала, куда бежать, никто не хотел ее брать, боялись. Она спряталась на огороде нашей бабушки на другом краю станицы, но соседи видели. Поэтому бабушка пошла за ней только ночью и в темноте привела ее к нам. Родители тоже боялись. Если бы полицаи нашли ее, нас всех бы убили. Поэтому отец выкопал под печкой яму - печка стояла во дворе под яблоней, мы тогда не здесь жили - напротив. В этой яме Раи и просидела все время, пока не пришли наши... Вылезила только ночью. Полицаи приходили несколько раз, искали ее, но в печке стояли кастрюли, горшки... Они пошуруют, а дальше не заглядывают. Пугали нас, даже выстраивали убивать, но родители не отдали, а нам велели молчать...»

Анна и Владимир Чикаловы прекрасно понимали, чем рискуют за укрывательство еврейской девочки, тем более что малолетние дети могли проболтаться на улице, а соседи, наверняка, что-то подозревали или знали и доносили полицаям в надежде на вознаграждение, обещанное оккупантами ... Полицаи приходили несколько раз в разное время, чтобы застать врасплох, угрожали, пугали...

Рахиль стала членом семьи спасителей. Дети звали ее «няня». Потом она училась в станичной школе, а после школы Анна Яковлевна повезла ее в Майкоп и помогла поступить в медицинское училище. Мечтая о дочери, она полюбила «Раю» как дочь, регулярно в те голодные годы передавала Рае продукты, платила за проживание... Конечно, когда тетя Рахили Ниминской и ее отец, получивший отпуск по ранению (он потом погиб на фронте), забрали ее в Ташкент, радость за спасенную девочку, нашедшую родных, смешивалась с большой грустью от разлуки с полюбившимся ребенком. Анна потом ездила в Ташкент повидаться с Рахилью... Девочка в Ташкете поступила в медицинский институт, закончила его, а, возвращаясь в родную Молдавию из Узбекистана, заехала с тётей в станицу Петропавловскую погостить у своих спасителей.

После развода Советского Союза Рахиль уехала с тётей в Израиль, потом в США, там вышла замуж, родила детей, но никогда не забывала своих спасителей, переписывалась с ними, заботилась о них, передавала деньги. По просьбе Рахили Почуканец (её фамилия по мужу) Саша Чикалов взял немного земли у могильного колодца, освятил её в церкви и соорудил условную могилу матери Рахили, ее братьев и сестры в одной ограде с могилой его матери, а затем поставил красивый гранитный памятник с портретом Розы Израилевны Ниминской и именами убитых.

У меня на столе стопка писем Раисы (Рахили) Семеновны Почуканец (фамилия по мужу) в станицу Петропавловскую. Их тринадцать за период с марта 1999 по август 2006 года. Она пишет своим спасителям из далекого американского города Нью-Джерси. Каждое из бережно сохраненных семье Чикаловых писем - незаживающая рана памяти о маме, братьях и сестре. И - благодарность спасителям за их подвиг. И тут же - забота об этой семье, тревога за них, стремление помочь, рассказы о жизни в далекой Америке, о детях и внуках... С разрешения семьи Чикаловых приведу несколько отрывков (орфография сохранена, - Ю. Т.).

8.08.2000 г.:

«.. Я бесконечно благодарна тебе, Надюша, за письмо. Я его долго ждала, но дождалась. Очень довольна и тем, что ты прислала фото, вы мне все близки и родные, ведь мне было 14 лет, когда тетя Нюся и дядя Володя взяли меня в ваш дом. Саше было 7 лет, Лене - лет 5, а Коле - 3 г.

Они меня называли «няней» - это было для меня самое тяжелое время в моей

Р.Нiminская, средняя во втором ряду,
с семьей своих спасителей
15 сентября 1968 г.

А.Я.Чикалова - средняя в первом ряду,
А.В.Чикалов - слева во втором ряду.

ПРАВЕДНИКИ МИРА

жизни: оккупация, немцы, мама и дети расстреляны. Я - ребенок, но тетя Нюся и дядя Володя сумели меня обогреть и не пропасть в это тяжелое время. Я этого никогда не забуду, их доброту ко мне. В 1943 г., когда наши освободили Кубань, я уехала учиться в Майкоп в мед. техникум, но и туда мне тетя Нюся помогла чем могла в это время.

У Вас были чудесные мама и папа, добрые, отзывчивые, они меня любила, как родную дочь, поэтому Вы все мне как родные братья и сестры. У меня единственная связь с вами и месте, где погибли мои дорогие мама, 3 брата и сестренка. Маму звали Роза, детей: Миша- 13 лет, Вова - 7 лет, Боря - 3 года и Ася - 10 лет... помяни их, я очень тебя прошу... Их расстреляли 19 сентября 1942 года».

26.03.2003 г.:

«Здравствуй дорогая Надя, Юра и все Ваше семейство... Мы теперь родня, т.к. тетя Нюся и дядя Володя в свое время взяли меня к себе и отнеслись ко мне, как родной дочери, не дали мне пропасть, кормили, послали меня учиться в Майкоп, и я была у них до тех пор, пока мой отец и моя тетя не нашли меня в 1944 году, и я уехала к ней в Среднюю Азию, а затем, в 1945 г. мы с ней вернулись на родину в Молдавию, в это время я еще раз была в Петропавловске. Тетя Нюся меня искренне любила и была мне второй матерью. Царство ей небесное, а также дяде Володе!»

Теперь о нас: Мы все живы и здоровы, Боря находится сейчас в Москве... Маечка учится, а Ирочка занимается хозяйством, она всем нужна, т.к. я уже по дому очень мало делаю, сейчас у нас живут Анечка и Женя, т.к. у Анечки будет прибавление... У Миши и Наташи все хорошо, моей правнучке уже будет 3 годика. У Любочки и Жени все, слава богу,

Надя! Я хочу, чтобы ты на Пасху сделала поминки моей маме и детям... Надя сделай с батюшкой молебен на кладбище, у нас вера разная, но бог один. Уже 60 лет как их нет, но рана болит у меня постоянно»...

6.03.2005 г.:

«.. Поклонись тете Нюсе за то, что она Вам оставила ко мне свое отношение, любовь и память, ведь ты, Наденька, меня не видела ни разу и имеешь такое большое сердце, умеешь любить и уважать мою семью. За это я тебя благодарю, обнимаю и крепко целую, моя драгоценная родня. То, что ты сейчас делаешь для меня, это имеет большое значение - сама понимаешь. Есть родня, которая может побывать у моей дорогой мамочки и детей, отдать им внимание и память...»

Из письма дочери Ниминской Ирины от 12 февраля 2007 г. (Рахиль Семеновна скончалась в ноябре 2006 г.): «...Я очень благодарна вашей семье за то, что вы делали для мамы, за то что помнили святая женщина, о ее страшной судьбе, всю жизнь с детства она рассказывала мне, как ее спасла тетя Нюся, никогда не забуду вашей доброты и участия. Пишите мне, Надя, если у вас есть какие-то просьбы, я всегда найду время и возможность помочь чем смогу...»

Не думаю, что к этим письмам можно что-нибудь добавить.

Вручение памятного подарка.
А.В.Чикалов и автор на митинге, посвященном героизму
еврейского народа и памяти жертв Холо-
коста, приуроченному
к годовщине восстания Варшавского
гетто. 2010 год.

Последняя фотография
Р.Почуканец, 2006 г.

YAD VASHEM יד ושם

The Holocaust Martyrs' and Heroes' Remembrance Authority

Иерусалим, 20 февраля 2011 года

ЧИКАЛОВЫ ВЛАДИМИР И АННА – РОССИЯ (11990)
CHIKALOV VLADIMIR & ANNA – RUSSIA (11990)

Сотрудники отдела «Праведники Мира» института Яд Вашем рады сообщить Вам, что на заседании специальной Комиссии, в знак глубочайшей признательности за помощь, оказанную еврейскому народу в годы Второй мировой войны, вышеуказанным лицам было присвоено

США вступили в войну 8.12.1941г. Боевые действия на Тихом океане, в Северной Африке, Италии. 6.6.1944г. открыли второй фронт в Европе.

В армии США воевали 550 тысяч евреев. 23 генерала (адмирала), 61567 награждены, 11350 погибли.

Великобритания объявила войну Германии 3.9.1939г., Боевые действия в Норвегии, Франции, Северной Африке, Атлантическом океане. В армии было 62 тысячи евреев. Более 500 награждены, 8 генералов, около 30 тысяч евреев-добровольцев из Палестины. В сентябре 1944г. была создана еврейская бригада (5 тысяч человек). Воевала в Италии. Потери евреев Палестины - 700 человек.

Евреи-участники Второй мировой войны:

СССР - 500 тысяч

США - 500 тысяч

Великобритания - 62 тысячи

Палестина (в Британской армии) - 35 тысяч

Канада - 16 тысяч

Польша - 200 тысяч

Франция - 46 тысяч

Греция - 13 тысяч

ЮАР - 10 тысяч

Голландия - 7 тысяч

Бельгия - 7 тысяч

Чехословакия - 8 тысяч

Австралия и Новая Зеландия - 3 тысячи.

Победа над нацистской Германией во Второй мировой войне спасла человечество от фашистского порабощения, пресекла Катастрофу евреев, создала условия для образования государства Израиль.

В составе армии антигитлеровской коалиции

Уважаемые читатели нашего журнала! Редакция с удовольствием представляет вам книгу нашего давнего друга, председателя Еврейской общины города Владикавказа, Северной Осетии Алания, Марка Борисовича Петрушанского. Книга вышла из печати пять лет назад, но до Израиля еще не добралась.

Предисловие автора

«Тут, в горах Гильбоа,
Пали сильные на поле брани.
Быстрее орлов, сильнее львов
Они были»

Из книги Самуила (1, 19, 25)

Желание написать книгу, которую Вы, уважаемый читатель, держите в руках, возникло у меня давно. В Талмуде сказано: «Дело людей, создающих книги - праведное, ибо блестящие знания идут от них». Мною двигало желание внести посильную лепту в восстановление справедливости о вкладе еврейского народа в Победу.

Ряд политиков, «лжеисториков», писателей, журналистов антисемитского толка отрицают Холокост, а также активное участие еврейского народа в борьбе с нацизмом. Считаю антисемитизм тяжелым психическим заболеванием. А. Эйнштейн определил антисемитизм как тень евреев. Отсюда следует, что сколько будет жить еврейский народ, столько будет жить антисемитизм. Поэтому его надо воспринимать как данность и, не тратя силы и времени на борьбу с этим злом направить свои усилия и энергию во благо людям.

К великому сожалению предвзятое отношение к еврейскому народу разделял лауреат Нобелевской премии А.И. Солженицын. В XXI главе книги «200 лет вместе» он утверждает: «...наши евреи могли провести ту войну самоотверженнее: пока же рядовой фронтовик, оглядываясь с передовой себе за спину, видел, всем понятно, что участниками войны считались и 2-й и 3-й эшелоны фронта: глубокие штабы, интендантства, вся медицина от медсанбатов и выше, многие тыловые технические части, и во всех них, конечно, обслуживающий персонал, и писари, и еще вся машина армейской пропаганды, включая и переездные эстрадные ансамбли, фронтовые артистические бригады - и всякому было наглядно: да, там евреев значительно гуще, чем на передовой». Я согласен с автором, евреи были и в интендантстве, и в глубоких штабах, включая Генеральный и писарями (как никак на-

род традиционно грамотный), но основная масса еврейских воинов сражалась на передовой.

Молодежь, к великому сожалению, плохо знает правду о той страшной войне, неисчислимых жертвах, которые положил советский народ на алтарь Победы. Тем более, она ничего не знает о вкладе еврейского народа в дело разгрома нацизма.

Цель данной книги восполнить данный пробел, а также показать, как властями прижимались и замалчивались боевые и трудовые подвиги еврейского народа в период с 1940 по 1991 гг.

Работая над книгой, я пытался выполнить одну из заповедей Талмуда: «Помнить и рассказать». Пусть героические личности, прославившие Россию, навсегда останутся в памяти народной. Памятую слова из священной Торы: «Если не я, то кто же. Если не сейчас, то когда», я сказал себе: «Я и сейчас». Пусть это выглядит немного высокопарно, но в этом я вижу свой долг перед всеми евреями, сражавшимися с нацистами, перед всеми мирными жителями, зверски загубленными гитлеровцами и их наймитами. Это мой долг и перед тридцатью тремя моими близкими родственниками, в том числе четырнадцатью детьми убитыми на оккупированной территории Украины, Белоруссии и России.

Предлагаемая читателю книга рассказывает о еврейских воинах, ученых, конструкторах, наркомах, директорском корпусе и деятелях культуры, внесших достойный вклад в разгром нацистской Германии и укрепление обороноспособности страны в послевоенные годы. Героизм и мужество еврейских воинов проиллюстрированы конкретными примерами. Автор надеется, что данная книга поможет вспомнить тех, чьи имена незаслуженно были преданы забвению.

Также рассказывается о еврейском сопротивлении в гетто, лагерях смерти, партизанских отрядах, о Праведниках народов мира.

В книге затронута тема защиты Отечества в период до Октябрьской революции воинами-евреями, приведен список генералов и офицеров, Георгиевских кавалеров и другие исторические факты.

Подробно рассмотрен вопрос вклада еврейских ученых, конструкторов и других специалистов в освоение космоса, в создание ракетно-ядерного щита, атомного подводного флота и других видов современного вооружения.

Персонажи этой книги - достойные потомки братьев Маккавеев, возглавивших более двух тысяч лет назад победоносное восстание еврейского народа против греко-сирийских завоевателей.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Моему отцу, Петрушанскому Борису Соломоновичу, участнику Великой Отечественной войны, и его братьям Михаилу и Григорию, погибшим смертью храбрых на фронте, и в их лице всем воинам-евреям, павшим и живым, посвящается эта книга.

Воинам-евреям Великой Отечественной войны

От тундры суровой до южных морей,
В небе, на море, в траншее
С фашистской ордою за жизнь на земле
Сражались солдаты-евреи.
В атаку ходили под вражьим свинцом,
Махоркой делились по-свойски,
И насмерть стояли в окопе своем,
В бою погибали геройски.
За горе, за слезы, за боль матерей
Еврейские воины мстили.
Победной весной, в сорок пятом году,
Фашистского зверя добили.
Драгунский, Бумагин, Паперник, Фомин –
Из племени вы Маккавеев,
На собственной шкуре познали враги
Ратную доблесть евреев.
Нет, не в Ташкенте «сражались» они,
Из пушки кривой не стреляли.
Под танки бросались, под пулями шли,
Гранатой себя подрывали...
И долгие годы, во все времена,
Героями будем гордиться,
На праздник Победы всем миром придем,
Чтоб им до земли поклониться.

9 мая, 1991 г.

Для читателей, желающих приобрести предлагаемую книгу,
редакция обеспечит её доставку в Израиль.
Подавайте заявки!

сражались 1 685 000 воинов-евреев.

Сражения под Москвой, Сталинградом и Курском решили исход Второй мировой войны. На восточном фронте Германия потеряла 75,5% живой силы и 75% боевой техники.

500 тысяч советских евреев сражались на фронте. В их числе: 32 тысячи офицеров и более 300 генералов и адмиралов.

Погибли 206 тысяч воинов-евреев

Эти данные скрывались от народов за формулировкой «и другие национальности», чтобы люди не знали о геронимском вкладе еврейского народа во вторую мировую войну.

Мифы и легенды о том, что евреи воевали в Ташкенте, после открытия архивов опровергаются статистическими данными Советского государства, опубликованными с большим нежеланием Министерством Обороны. 6 евреев повторили подвиг Матросова, закрыв вражеские амбразуры своими телами, 5 евреев подорвали танки противника, обвязав себя противотанковыми гранатами, 18 летчиков евреев совершили воздушные тараны, 17 летчиков евреев направили свои горящие самолеты на скопления врагов, 5 летчиков-евреев сбили от 10 до 21 самолетов. Танковый ас Иона Деген уничтожил 14 фашистских танков.

55 000 евреев ушли на фронт добровольцами, 350 000 - были в народном ополчении, 20 000 женщин еврейской национальности сражались в Красной армии.

По официальным данным, количество евреев, которым было присвоено звание Героя Советского Союза, составляло 164 чел. В процентном отношении на 100 тысяч населения СССР, евреи занимали 3-е место. Сегодня, благодаря изыскательской работе с архивами и музеями многих стран, эта цифра достигла 171.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Переписка с читателями

Игорь Гаушпигель

Отходчивость присуща нам всегда.
Прощая недругам обиду за обидой,
Тысячелетьями не подаем мы вида,
Как тяжела еврейская судьба.

Разбросанные по планете всей,
Блуждающие звезды поневоле
Тоску свою, пронизанную болью,
Скрывают за улыбкою своей.

У наших, с виду, не богатырей
Непредсказуемая сила духа.
Безвинно не обидим даже муху,
Но жизнь мы отдадим за матерей.

Привычные к бесчисленным скита-
ньям,
В пути мужаем, набираясь сил,
Всевышний нас терпеньем озарил
И в этом наша тайна выживания.

В наш журнал приходит много писем от читателей, в некоторых из них – просьбы помочь разыскать своих родных, близких, друзей, пропавших без вести в годы Второй Мировой войны. Результаты этого поиска смотрите в нашей рубрике «Поиск», которая выйдет в последующих номерах Журнала.

Уважаемые читатели! Редакция журнала просит вас поделиться семейными воспоминаниями о периоде Великой Отечественной войны, семейными реликвиями – письмами с фронта, деталями вашего быта в эвакуации, фотографиями, и т.п... Все ваши семейные реликвии будут бережно скопированы и возвращены вам

Дорогие читатели! Поступает очень много добрых и лестных слов в адрес руководителя проекта и в адрес нашего журнала, но нужно отчетливо понимать, что проект и журнал, кроме самоотверженной работы Людмилы Барановской и её немногочисленных соратников, требуют материальных затрат, без которых нельзя добиться регулярного выхода журнала и высоких тиражей. Спонсорской помощи пока нет. На обращения в фонд «Генезис», в организацию «Рука Помощи Израилю», в Клэймс Конференс и другие организации, в лучшем случае, следуют обещания...

Журнал просит вашей помощи!

Холокост – самое трагическое событие на Земле. Человечество не знает преступлений подобного масштаба! Знание и память о Катастрофе – не только гарантия от подобных преступлений, но дополнительный фактор для выживания нашей страны в окружении врагов!

На нас лежит большая ответственность!

Мы должны передать молодому поколению эстафету памяти!

Уважаемая редакция, прошу поместить в Вашем журнале этот материал в память о моей прабабушке.

Дина Завельская-Пилипенко

24.10.2013 г.

Моя прабабушка Сарра Матусовна Лазарева родилась в 1864 г. в селе Ново-Будда Черниговского уезда. Вышла замуж за Менделя Завельского из Глухова. У них до Революции было 16 детей. У них был свой бизнес – конфетная фабрика. (Когда я ем медовые пряники, всегда вспоминаю моих дорогих дедушку и бабушку). По словам жены внука моей бабушки, живущей в Израиле, рассказывает, что прабабушка была очень приятной, красивой, внимательной женщиной.

После того, как их бизнес разграбили коммунисты, их дело заглохло, и моя прабабушка переехала в Харьков. К тому времени у неё осталось шестеро детей – четыре сына и две дочери, остальные погибли. У троих сыновей, в том числе у моего дедушки Яши были дети которые жили в Киеве и Харькове.

24 октября 1941 г. Харьков оккупирован немцами.

5 декабря 1941 г. Началась перепись населения. Евреи вносились в отдельные списки.

14 декабря 1941 г. Когда немцы вошли в г. Харьков моей прабабушке Сарре исполнилось 77 лет.

Вышел приказ комендатуры города Харькова о переселении евреев в район городского тракторного завода – ХТЗ. В созданном гетто находилось 16-20 тыс. человек. Раньше эта территория была юго-восточной окраиной города, место, где кончался Сталинский проспект, и начиналась дорога на Рогань и Чугуев. Теперь это Московский проспект, остановка метро Пролетарская.

Каждый день из гетто выводили по 250-300 человек и вели в Дробицкий яр, там был хутор, который давно не существует. (В 18 веке, в 1782 г. в верховьях Яра на противоположном от Чугуевского тракта склоне находился хутор Дробицкий Харьковского уезда).

Массовые расстрелы прекратились только в 1942 г., и тогда гетто перестало существовать.

В 1991 г. было предложено на месте расстрелов под г. Харьков поставить памятник. По решению Горсовета 23 октября 1994 г. началось строительство памятника. Но было прекращено из-за нехватки средств. В 2000 г. строительство этого мемориала было возобновлено. 13 декабря 2002 г. состоялось освещение первой очереди памятника – Меноры, Аллеи памяти и самого мемориала, - главным раввином г. Харькова. А в 2005 г. открылся Траурный зал с Чашей Скорби.

БЛАГОДАРНОСТЬ ИЗ АМЕРИКИ.

ЛЕОНОР БЕЛЛ, директор библиотеки в Музее Холокоста

Дорогая миссис Барановская, я хочу поблагодарить Вас за Ваш журнал «Судьбы Холокоста» от имени Американского Мемориального музея.

Ваш вклад обогатил музейную коллекцию материалов об истории Холокоста. Исследователи и ученые вне сомнения извлекут пользу из ваших журналов.

Мы прилагаем огромные старания, чтобы увеличить доступ к материалам о Холокосте, поэтому мы ценим вклады, как Ваш, так как это помогает нашей миссии

И еще раз спасибо, что вы прислали Ваши журналы в нашу библиотеку.

Ила Лакай, г. Натания, Израиль

Уважаемая Людмила Барановская, посылаю вам информацию о судьбе двух защитников Севастополя, память о которых не должна быть утрачена! Поместите, пожалуйста, эту информацию в своём журнале. Надеюсь, что откликнутся их родственники, которые, как и я, будут Вам благодарны. Также посылаю вам письма и старые газеты для вашего музея.

Пишет В. С. Спивак

«...Мой отец - С. Г. Спивак был мобилизован вместе со всем коллективом Одесского завода «Красный сигнал» в первые дни войны. Затем в составе Приморской армии отец находился в г. Севастополе, откуда приходила редкие письма и фотографии. Последнее письмо датировано 25 июня 1942 г.

Моя мать и я предпринимали многочисленные попытки выяснить судьбу отца, но запросы в официальные органы ни к чему не привели. Мы искали людей с завода, которые служили в армии вместе с моим отцом и разыскали одного свидетеля тех событий. Он рассказал, что из всех пленных бойцов Приморской армии в г. Севастополе фашисты выделяли коммунистов и евреев и сразу же их расстреливали. Так как мой отец соответствовал этим двум фактам, у нас никаких надежд на то, что он жив не осталось. Но мы всё же не прекращали поиски. И только 15 декабря 1976 г., через 35 лет после войны Одесский областной Военкомат выдал справку о том, что «воентехник второго ранга С. Г. Спивак значится пропавшим без вести в июне 1942 г. Основание: приказ ГУК №0868.» У меня есть фотографии, на одной из которых перечислены фамилии: Клигман, Гейман, Кремер, Марашан (или Марашак). Судя по всему и их фамилиям (они тоже евреи), этих людей постигла та же участь, что и моего отца. Их нельзя забывать!

Удачи, здоровья всем вам!

С уважением и благодарностью В. С. Спивак.»

Сергей Орлов

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.

Ему как мавзолей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.

На рыхких скатах тучи слят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.

Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...»

Воентехник В.С.Спивак

Раиса Янкелевич,
поэт, член творческого коллектива «Феникс»

Людочка!
Совсем не просто
Описать,
Как с печатью Холокоста
Воскресать!
Людочка!
Пусть видят мирный
Небосклон!
Низкий до земли невинной
Мой поклон.
Будь здоровьем не обижена,
Когда
Вдруг, поднимутся
к Всевышнему
Года.
Умудряйся издавать судьбу –
Журнал,
Чтобы каждый - вечной
памяти
Внимал.

Февраль 2011 г.

Пишет Михаил Фиделевич Подольский

– инвалид войны 2-й группы, г. Евпатория.

«Из газеты «Шомрей Шабос» №24 узнал, что полагается строительство Пантеона памяти героическим защитникам г. Севастополя.

Мой отец – Фридель Яковлевич Подольский – 1897 г. рождения. В начале войны он был мобилизован в Красную Армию. Служил мой папа в Евпаторийской военной части в звании портного шил обмундирование для новобранцев.

М.Ф.Подольский

писал, что «подвозит огурцы».

После нам пришлось вторично эвакуироваться в г. Самарканд, где моя мама работала на строительстве, а я был призван на действительную военную службу. У нас сохранилась справка, выданная командованием 385-го стрелкового полка красноармейцу Подольскому Ф. Я., что маме полагалось получить льготы, датированная мае 1942 г. Я уверен, что мой отец погиб именно при обороне Севастополя, пишу поэтому это письмо и отправляю его фото и справки. Буду рад, если пригодится. С уважением и добром.

Михаил Подольский

Шимон Зингер

Наша эвакуация

«...Хочу поделиться своими детскими воспоминаниями о нашей эвакуации. Отец мой Арие Зингер был поляком, до эвакуации жили в Польше г. Люблин. Папа не хотел быть советским гражданином. И не взял свой советский паспорт в эвакуацию. Мы оказались дальше Вильнюса, где и остановились. Через некоторое время ночью приехали грузовики. Какие-то люди отвезли нас на вокзал. На железнодорожной станции вагоны уже были готовы к отправке. Так мы попали в г. Горький, откуда телегами нас переправили через лес в сторону Архангельска. Через два-три дня мы оказались в каком-то посёлке с несколькими бараками. Каждая семья получила топор и пилу, чтобы строить себе бараки. Мы были в ужасе от таких бытовых условий. Но выбора не было. Мужчины рубили лес. Срубленные деревья возили к реке на сплав. Через неделю мужчины организовали демонстрацию против условий содержания и плохого питания.

На следующий день наш отец не вернулся с работы. Оказывается, началась Финская война. Когда началась Вторая Мировая война, мне было тогда всего 9 лет. Моя семья жила в маленьком городке недалеко от Люблина. Мой отец Арие занимался земледелием и разведением лошадей. Мама была домохозяйкой. Я учился в «Хейдер». А старший брат учился в школе. В сентябре 1941 г. на Польшу напали немцы. Моя мама и сестра в это время гостили у бабушки в г. Варшаве.

Мой отец мой брат и я были вынуждены оставить город. Мы двигались к границам Советского Союза – это единственная страна, которая разрешила в тот момент перейти границу. Так мы приехали в г. Витебск. Там отец устроился на работу в мясокомбинат, а я и брат учились в школе и там изучали русский

язык. Нам с братом было очень трудно. Хлеб уже продавали по талонам. Советский союз договорились с Америкой, Англией и Францией открыть второй фронт. В договоре было сказано, что все польские подданные должны быть освобождены из лагерей смерти. Нам дали свободу и все поляки в эвакуацию съезжались в г. Астрахань, там было много хлеба и рыбы. Фронт приближался к г. Сталинграду. И нас эвакуировали в Казахстан. Меня и брата устроили в польский интернат. А когда закончилась война, мы вернулись в Польшу. Но отец наш пропал. Из Польши мы отправились в Германию. Там я отыскал своего отца. После освобождения из тюрьмы мой папа вступил в Польскую Народную армию. А в 1948 г. я из Германии переехал в Израиль и поступил на службу в израильскую армию».

Март 2014 г. г. Холон Израиль

КОГДА ГОВОРЯТ ЖИВЫЕ СВИДЕТЕЛИ.

Инна Горина, учитель английского языка

...Тема, которая поднимается в журнале «Судьбы Холокоста», сегодня настолько актуальна, что трудно переоценить необходимость выхода в свет этого органа печати. Воспоминания свидетелей трагического периода в судьбе еврейского народа тем более ценные и уникальны, чем дальше уносит нас время от тех ужасных событий. Непреходящая ценность журнала именно в том и состоит, что в нем говорят живые свидетели. С фотографий на читателя смотрят лица погибших и тех, кому посчастливилось выжить в Катастрофе. И те и другие - свидетели. Наш гражданский и человеческий долг - выслушать их, понять, запомнить все, и самое главное - донести эти свидетельства до тех, кто еще только вступает в общественное течение жизни. Молодые должны знать не только о жертвах нацистского ада, но и о том героическом сопротивлении, которое не прекращалось на протяжении всего ужасного периода Холокоста.

Желаю автору, руководителю проекта «Судьбы Холокоста», Людмиле Барановской, и ее помощникам успехов в создании следующих новых номеров журнала.

Ушел из жизни Элиэзер Рабухин - замечательный человек, с которым в течении многих лет мы неоднократно общались. Он был большим другом нашего журнала.

Элиэзер Рабухин за почти 30 лет своей жизни в Израиле очень хорошо изучил историю еврейского народа, щедро делился своими знаниями, печатался в газетах «Вести», «Новости недели», выступал с лекциями в хостелях, в клубах ветеранов.

Элиэзер, к счастью, не был узником гетто, но с большим участием занимался историей Холокоста. Будучи специалистом в области теории гидравлики он преподавал более 30 лет в Волгоградском строительном институте, потом - в университете Бар-Илан в Израиле, а затем работал по специальности, занимаясь проектированием автомагистралей и водопропускных сооружений.

Память о светлом человеке Элиэзере Рябухине сохранится в наших сердцах.

С большим уважением к Вам
Соломон Юханов

Огромного счастья
и успехов ярчайших!
Красивых побед и больших скоростей!
Все то, что намечено в планах
ближайших,
сбывается пусть и как можно
быстрей!

Пусть чувства прекрасные
станут сильнее,
Событий блестательных ждет череда!
Энергии радости и вдохновений,
Везения в жизни во всем и всегда!

Пусть дни проходят без оглядки,
И с ветром улетят года,
Не будем возраста бояться,
Ведь мы же молоды всегда!

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

СЛАВА

Константин Симонов

За пять минут уж снегом талым

Шинель запорошилась вся.

Он на земле лежит, усталым

Движеньем руку занеся.

Он мертв. Его никто не знает.

Но мы еще на полпути,

И слава мертвых окрыляет

Тех, кто вперед решил идти.

В нас есть суровая свобода:

На слезы обрекая мать,

Бессмертье своего народа

Свою смертью покупать.

1942г.

Эдуард Аксельрод.

Родился в 1934 году в Днепропетровске. 1941- 49 г.г. эвакуация вместе с родителями в Оренбургской области. 1957 г. - Днепропетровский metallurgicalский институт, далее до 1963 г. - Криворожский metallurgicalский завод (от вальцовщика до начальника стана), Укргипромез. Спорт: гимнастика, туризм, альпинизм («снежный барс», первоходитель). Автор трех книг и многочисленных публикаций в различных газетах и журналах...

Давид Блюм.

Родился в Молдавии в 1941 году. В эвакуации с матерью - в Алма-Ате. Отец Давида - фронтовик. С 5-и лет Давид учится игре на скрипке. В 1966 году окончил Кишинёвскую государственную консерваторию. Преподавал. Будучи артистом эстрадного оркестра увлёкся композицией. В 1974 году - лауреат республиканского телевизионного конкурса. Его песня «Город моей мечты» получила 2-ю премию и стала популярной. В 1990 году алия. Живёт в городе Нетания, где продолжает писать музыку и стихи.

Мария Гуральник.

В прошлом - экономист. Родилась в г. Старо-Константиновка, Хмельницкой обл. Украина, где родители отца погибли от рук петлюровцев. Отец сгинул в застенках НКВД в 1937 г. Война, бегство, эвакуация: Сталинград, Южный Казахстан, голод, холод - все это можно прочесть в её первом литературном опыте. В Стране с мая 1990 года. Живет в г. Нешер с мужем. Две дочери, известные врачи, пять внучек и правнучек.

Вячеслав Давыдов.

Родился в Москве в 1946 г. Закончил консерваторию, преподавал, защитил кандидатскую диссертацию. Репатриировался в 1991 году. Стихи начал писать в 25 лет. В Израиле подтвердил степень доктора искусствоведения и выпустил три книги стихов, «Очерки о культуре горских евреев в Израиле», пьесы. Член Союза писателей Израиля. Живет в г. Беэр-Шева.

Евгений Иванов.

Для ветерана Великой Отечественной войны, полковника в отставке Евгения Александровича Иванова, фронтовая жизнь началась в 42 году, когда его — курсанта Ленинградского военно-инженерного училища — отправили на фронт. За три года войны Е.А.Иванов принимал участие в Курской битве, освобождал Белоруссию, Украину, Польшу, Чехословакию.

Зоя Кабекова

родилась в г. Иваново, в 1927 году. Юность проплясала и пропела в ансамбле песни и пляски Пятой армии на Дальнем Востоке.. В г. Бишкеке (бывший г. Фрунзе) работала в библиотеке, руководила литературным объединением «Тулпар», печаталась в газетах и сборниках, а потом издала сборник стихотворений «Разговор на равных» (1982). В 1995 году приехала в Израиль и в литературной студии г. Петах-Тиква обрела второе дыхание (участие в сборниках «Второе дыхание», «Мы из Холона», далее книги: «Арча», «Маленькие истории, смешные и не очень», «Повороты судьбы», «Вехи»).

Живет в г. Ганей-Авиве. Выступает со стихами в клубах, хостелях Израиля. Хобби - коллажи. Было 4 выставки - в Холоне, Лоде, Ганей - Авиве.

Белла Кердман

популярнейший журналист Одессы прошлого века, чьи публикации с нетерпением ожидали горожане и жители сельских районов области. Зав. отделами газет «Комсомольская искра», «Знамя коммунизма», выйдя на пенсию, вела отдел писем в газете «Вечерняя Одесса». Репатриировалась в 1994 г. В газете «Вести» придумала и вела рубрику «Переписка из двух углов» (интервью по Интернету). Её статьи прошлых лет и сейчас актуальны и очень увлекательны.

Хаим Курицкий

бежал из Утены, попал в Даугавпилсское гетто, позже в Кайзервальд, освободился в Германии, пройдя через ряд лагерей. Ныне живёт в Израиле. Он написал книгу, которая вышла в Израиле на иврите. Главы из его книги о концлагере мы печатаем в нашем журнале.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Михаил Ринский.

Родился в Москве. Работал главным конструктором архитектурно-проектных мастерских Моспроекта-1, одновременно преподавал в институтах. Автор ряда уникальных зданий и комплексов. Им изданы четыре книги прозы и стихов, опубликованы в периодике две повести о войне, свыше ста очерков о людях и их судьбах, много статей и стихов. Часть из них - ещё в Москве. С 1996 года живёт в Израиле, публикуя очерки, статьи и стихи, в т.ч. переводы с иврита и идиша.

Юрий Тейтельбаум.

Канд. физ.-мат. наук, ст. научный сотрудник ИФЗ АН СССР. Родился в Днепродзержинске, Украина в 1935 г. Эвакуация с матерью и братом - в Магнитогорске. Днепропетровский Металлургический институт. Рабочий на заводах и стройках, работал в разных НИИ, руководил еврейской общиной Краснодара, выпускал еврейскую газету Кубани, участник научных и спортивных экспедиций на Кавказе, в Хибинах, в Средней Азии, на Памире, в Фанских горах, на Чукотке. Зимовал на Эльбрусе. В то же время - гимнастика, борьба, парус, альпинизм, велосипед, сплав на горных реках.

В теме «Память о Холокосте» - около 20 лет. В Израиле с января 2012 г., г. Бат-Ям.

Гарри Фельдман

родился в 1933 году в еврейском местечке Романов (в советское время - Дзержинск). Окончил физико-математический факультет Житомирского пединститута. Член Союза писателей Израиля, лауреат конкурса имени Ицхака Зандмана, автор пяти известных книг о Холокосте, о евреях в Великой Отечественной войне, о «русских» израильтянах. Гарри Фельдман - более 60 лет в журналистике, публикуется в Израиле, Украине, России, США и Австралии. Им проведена огромная работа по увековечению светлой памяти жертв Холокоста и воинов-евреев, павших в боях с нацистами. Репатриировался в Израиль в 2001 году, живёт в Нетании.

Леонид Финкель

- прозаик, драматург, активнейший общественный деятель когда-то в Украине и ныне в Израиле. Родился в 1936 г. в Полтаве (Украина). Эвакуация в Башкирию, потом в Чувашию. В 1979 г. - первая книга «Зажги солнце» с задержкой почти в десять лет из-за обвинения в сионизме. В Черновцах был первым председателем общества Еврейской культуры им. Элиезера Штайнберга. Первым редактором газеты «Черновицкие листки» и приложения «Мой Израиль». Все это сам и придумал. Участвовал в создании Пушкинского общества и Всесоюзной писательской организации «Апрель». Организовал Пушкинские праздники, установку памятного камня Соломону Михоэлсу, Вениамину Зускину, московскому Еврейскому театру (2003 г.)

Ольга Щокота.

Родилась в г. Херсоне, закончила факультет журналистики Львовского гос. университета. Работала в газетах и на телевидении. В Стране с 1991 года. Живет в Тель-Авиве

Иозеф Чапек,

известный чешский художник, график, писатель, фотограф, брат писателя Карела Чапека, родился в горном чешском городе Горнов в 1887 г. Учился в Германии в школе ткачей, работал на заводе, потом вернулся в Прагу и поступил в Академию Художеств в 1903 году. Первая выставка в Праге в 1912 году. В 1930 году в творчестве Чапека появляются произведения социально-политической направленности против войны и фашизма. В начале 2-й мировой войны он арестован и остаток жизни - узник концлагерей. Погиб в апреле 1945 года в концлагере Берген-Бельзен.

Редакция приносит извинения читателям и авторам этого номера, за не приведенные биографические данные некоторых авторов.

Зоя Кабекова

Идут года. Летят мгновенья.

Война открылась без прикрас,

И вот уж третье поколение

Взрослеет на глазах у нас.

В кругу семейном в день Победы

Среди разложенных наград

Найдут одну медаль прадеда -

Медаль за город Сталинград.

И вновь пахнёт огнем и дымом.

И там, в пороховом дыму

В том городе непобедимом

Погиб мой прадед в ту войну.

Мать-Родина над ним склонилась,

Как ива над речной водой,

А ночью правнукам приснилось,

Что прадед их пришел домой.

К 70-й годовщине Победы над нацизмом

Дорогой читатель журнала «Судьбы Холокоста»!

Этот номер журнала, к сожалению, опоздал к дню 69-й годовщины Победы над фашистской Германией, и уже меньше года остаётся до знаменательного всенародного праздника стран Антигитлеровской коалиции – 70-летнего юбилея Великой Победы.

Мы, автор и руководитель проекта «Судьбы Холокоста» Людмила Барановская, автор проекта «Юные борцы Антигитлеровской коалиции» и образовательной программы «Холокост – борьба и героизм еврейского народа в годы Второй мировой войны» Макс Привлер и главный редактор журнала «Судьбы Холокоста» и готовящегося к публикации альманаха «Всемирный Символический полк юных борцов Антигитлеровской коалиции» имени Саймона Визенталя Юрий Тейтельбаум, - приняли план подготовки к этой знаменательной дате.

В журнале «Судьбы Холокоста» и Альманахе показать на многочисленных конкретных примерах судьбы детей, чудом выживших в гетто и нацистских концлагерях, выбравшихся из расстрельных ям, переживших трагизм сиротства и ужасы геноцида, показать их становление, как

НАШИ ПЛАНЫ

мстителей фашистам и их приспешникам, и дальнейший их путь в войне с нацистами и послевоенной жизни.

Этот план преследует также цель противостоять продолжающемуся потоку лжи антисемитов - государственных деятелей, историков и журналистов, замалчивающих, преуменьшающих или отрицающих Холокост и роль нашего народа в борьбе против нацизма, вклад евреев в победу над нацистской Германией.

Этот план является, по сути, продолжением программы Макса Привлера «Юные борцы Антигитлеровской коалиции», утвержденного на расширенном пленуме Союза ветеранов Второй мировой войны государства Израиль 20 мая 1992 года, первая часть которой реализована публикацией автобиографической трилогии «Расстрелянный трижды» в 1998 г., документальными сборниками «Еврейские дети в борьбе с нацизмом», 2001 г., и «Израильский Символический батальон юных борцов с нацизмом им. Ицхака Рабина», 2004 г., организацией Всемирной ассоциации юных борцов Антигитлеровской коалиции, президентом которой был избран Макс Привлер и открытием в Иерусалиме музея Юных борцов с нацизмом «Гиват- ат- Мошет».

Другая задача намеченного плана – подготовить к печати упомянутый Альманах «Всемирный Символический полк юных борцов Антигитлеровской коалиции».

Наконец третья часть плана: открыть в городе Бат-Ям постоянный музей «Еврейские дети в борьбе с нацизмом. Катастрофа и героизм», помещение для которого обещала выделить мэрия города Бат-Ям.

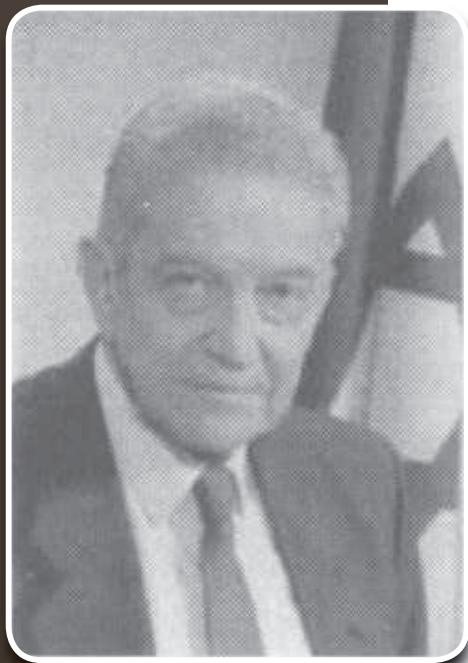
Есть еще много текущих, но не менее важных планов: организовать публикацию журнала «Судьбы Холокоста», а так же опубликованных и будущих упомянутых книг на иврите и английском языке и прочее и прочее...

Мы представляем предстоящие трудности, груз ответственности, но и важность поставленных задач, иллюстрируем которые всего двумя напутствиями проекту Макса Привлера из многочисленных напутствий и благословений глав государств и руководителей выдающихся общественных организаций.

**Людмила Барановская
Макс Привлер
Юрий Тейтельбаум
23.05.2014 года**

НАШИ ПЛАНЫ

Напутственное слово Президента государства Израиль Эзера Вейцмана

Человечеству невозможно рационально понять, даже сейчас, по прошествии 50 лет, всех масштабов ужаса Катастрофы.

В Катастрофе также были выдающиеся случаи геройства её жертв, отдельных и многих, евреев и неевреев, борцов гетто и партизан, а также детей и молодёжи.

Эта книга призвана рассказать о еврейских детях, боровшихся с нацизмом, и я вижу в ней жизненно важную заслугу, в первую очередь, в сфере воспитания подрастающего поколения, с тем, чтобы оно могло солидаризироваться с героями книги и попробовать понять ужасы Катастрофы.

С уважением, Эзер Вейцман 26.11.1998 г

Напутствие Президента Американской Ассоциации инвалидов и ветеранов Второй мировой войны - выходцев из бывшего СССР - СНГ Леонида Розенберга

Мне приятно выполнить просьбу автора проекта «Еврейские дети в борьбе с нацизмом» - руководителя творческой группы «Мазаль» Макса Привлера дать напутствие к его проекту.

Ветеран Второй мировой войны Макс Привлер выступил перед нами 9 Мая 1999 года, рассказал о своей необычной судьбе. В возрасте десяти лет он пережил трагедию еврейской Катастрофы, остался сиротой. В двенадцать лет стал разведчиком Красной армии, прошёл боевой путь от Курской дуги до Златой Праги. Все послевоенные годы выступал перед различными аудиториями, показывая звериный облик фашизма - зло человечества. Самым главным автор проекта считает воспитание подрастающего поколения в духе высокой порядочности, доброты и человеколюбия. Мы видим, что сегодня фашизм вновь поднял голову, во многих странах; идут локальные войны, обострилась межэтническая борьба и антисемитизм..

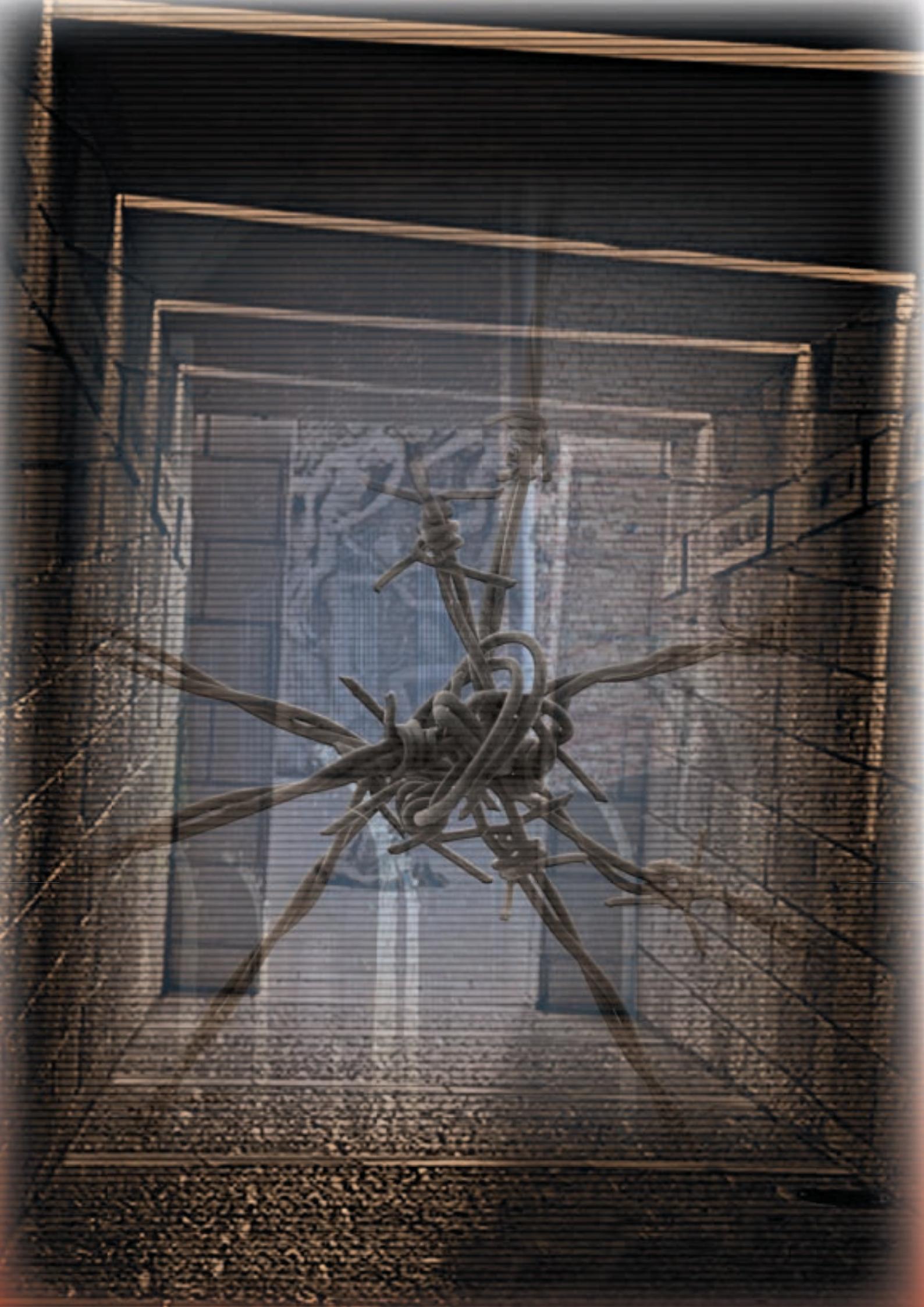
На протяжении ряда лет Макс Привлер работает над проектом «Еврейские дети в борьбе с нацизмом». Он хочет объединить под одной крышей бывших еврейских детей, чудом уцелевших в огне Катастрофы и ставших мстителями в партизанских отрядах, на фронтах и флотах, в подполье и тылу.

Для реализации своего проекта Макс Привлер создал творческую группу «Мазаль». В нее вошли Анна Кремянская - пресс-секретарь и литературный редактор, Кремянский Павел - компьютерный набор, Каган Элла - переводчик на английский язык. С их помощью увидела свет изданная на русском языке его автобиографическая повесть «Расстрелянный трижды», которую мне автор преподнёс. Готовится к изданию всемирный документальный сборник «Еврейские дети в борьбе с нацизмом».

Проект предусматривает увековечение памяти бывших еврейских детей - борцов с нацизмом с помощью музеиных экспозиций, буклотов, планшетов, мемориальных комплексов, а также их встречи со школьниками, молодёжью, воинами. Прочитав книгу «Расстрелянный трижды» в Нью Йорке, я выражаю мнение ветеранов войны и граждан США о необходимости внедрения проекта в жизнь, чтобы книга «Расстрелянный трижды» и всемирный сборник «Еврейские дети в борьбе с нацизмом» были изданы на русском, английском, иврите и других языках мира. Эти книги могут стать хрестоматийным пособием для изучения еврейской Катастрофы в учебных заведениях, в еврейских общинах, на семинарах для учителей и воспитателей. Полностью поддерживаю мнение напутствующих книги Эзера Вейцмана, Президента Израиля, Авраама Коэна, Генерального секретаря Союза партизан, воинов - инвалидов Второй мировой войны Израиля, Исаака Розовского - Председателя Союза ветеранов Второй мировой войны Израиля.

Л.Розенберг, 19.12.2003 г.

ВСЕМИРНАЯ АССОЦИАЦИЯ
ЮНЫХ БОРЦОВ
АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

DESTINY OF THE HOLOCAUST

גּוֹלַת הַשׁוֹאַבָּה

СУДЬБЫ ХОЛОКОСТА

СУДЬБЫ ХОЛОКОСТА

- СУДЬБЫ ПОБЕДИТЕЛЕЙ
- ЮНЫЕ БОРЦЫ С НАЦИЗМОМ
- ПАМЯТЬ
- СВИДЕТЕЛИ
- ПРИЗНАНИЕ
- ПРАВЕДНИКИ МИРА
- БИБЛИОТЕКА
- ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ
- КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

№9